

Лена РУЧЕЙ

РАЗВОД

(Не) мой мужчина

18+

Лена Ручей

Развод. (Не) Мой мужчина

«Автор»

2026

Ручей Л.

Развод. (Не) Мой мужчина / Л. Ручей — «Автор», 2026

Первое, что я увидела – её ногу. Голую, закинутую на подлокотник кресла. Потом – руку Влада, которая лежала на бронзовом от загара бедре любовницы. И ещё я заметила кольцо на её пальце. С бриллиантом, в тонкой платиновой оправе, То самое, которое понравилось мне. И тут в голове, словно пазлы сошлись... – Ты... использовал меня? – прохрипела я, осознавая реальность. – Ты изначально со мной из-за моей квартиры?!* Я верила ему – слепо, безрассудно, до последнего. Но он растоптал мои чувства и веру в любовь. Думала, хуже не бывает. Но у судьбы были свои планы на меня.

© Ручей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. На крыльях любви	5
Глава 2. Ненавижу!	7
Глава 3. Вера без веры	9
Глава 4. Олеся	12
Глава 5. Отчим поможет	16
Глава 6. Вот и всё	20
Глава 7. Яблоко от яблони...	22
Глава 8. Ещё есть, что терять	25
Глава 9. Или-или...	28
Глава 10. Худшее сбылось	33
Глава 11. В доме Авериных	36
Глава 12. Детали договора	39
Глава 13. Прошло несколько дней	42
Глава 14. Семья Маргаритки	45
Глава 15. Тотальный контроль	47
Глава 16. Леонард	50
Глава 17. Вера	53
Глава 18. Вера	56
Глава 19. Вера	59
Глава 20. Вера	62
Глава 21. Вера	66
Глава 22. Вера	70
Глава 23. Леонард	72
Г	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Лена Ручей

Развод. (Не) Мой мужчина

Глава 1. На крыльях любви

С утра я разбирала коробки, стараясь не думать о размолвке с Владом. Но ничего не могла поделать со своим упадническим настроением. Каждая вещь напоминала о прошлом: бабушкина скатерть, старый фотоальбом, кружка с надписью: "Лучшей внучке".

Я с любовью раскладывала всё по местам, а сама нет-нет да поглядывала на телефон в ожидании звонка. Мне так хотелось, чтобы он просто позвонил и сказал: "Верусь, мы оба погорячился вчера. Давай больше не будем ссориться?"

Но телефон молчал.

"Так нельзя! Надо поговорить с ним! – подумала, посмотрев на часы. – Сейчас схожу в гипермаркет. Куплю продукты. Приготовлю ужин! И мы обязательно выслушаем друг друга".

Вспомнила, что с утра не просматривала чаты в ватсап. Влад мог там мне написать... Так и есть! Сообщение от "Любимый".

"Добрый день, Ника!..."

"Блин, почему Ника? – поджала губы я. – Сказала, чтобы Клёпой не звал, так теперь Ника! От Вероники, что ли? Так, я Вера, а не Вероника!"

"Надеюсь, сегодня у тебя настроение лучше, чем вчера? Я сегодня буду занят допоздна, малыш, не жди рано. Перекушу в кафе. Целую".

Далее – черед из сердечек.

На душе потеплело.

И правда, чего это я вчера взъелась? Наговорила всякого...

Конечно, он обиделся. А если бы он меня попрекнул деньгами? Путёвку в Тунис ведь он оплачивал. И свадебные расходы... Хотя подарочные деньги перекрыли всё, но неважно... Тоже, небось, обиделась бы.

Стало неловко за свою недоверчивость.

Влад утром ушёл хмурый, не поцеловал даже.

"Но как же примиряющий ужин? Задержится, сказал..." – я замешкалась у порога, вертя на пальце связку с ключами.

"Ну вот! Он там занят... А я приготовлю его любимую лазанью и принесу в офис! Думаю, он оценит мои старания!" – осенило меня.

Посетив ближайший гипермаркет я заполнила холодильник продуктами и, включив для настроения любимую волну в Яндекс музыке, принялась готовить лазанью с грибами. Владу нравилось это блюдо. Поэтому не стала изобретать велосипед. Пока кудесничала возле плиты, представляла, как муж обрадуется возможности пообедать прямо в офисе и

перебирала в голове варианты, что скажу, когда явлюсь к нему:

"Прости, я была резкой".

Нет.

"Прости, я была взвинчена вчера".

Тоже нет!

Хотелось услышать от него это "прости"...

Ладно, не буду заранее загадывать. Просто войду и поставлю перед ним контейнер. Недаром же говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок! Вот и посмотрю, как это работает!

Завернула ещё тёплую лазанью в фольгу и, надев новое шифоновое платье, сапожки на каблуках, накинула укороченную куртку из кожзаменителя. Пригладив массажной щёткой свои рыжие локоны, подмигнула зеленоглазому отражению в зеркале и отправилась к мужу в офис.

Полчаса на метро, пять минут пешком и я возле цели.

На входе в здание охранник сидел для видимости. Даже не спросил, куда я.

Поднялась по лестнице на третий этаж и дальше по коридору.

Ковролин глушил шаги.

"Так, Влад сказал, триста пятнадцатый офис", – вертела головой, пока шла.

Дверь оказалась заперта.

"Хм... Позвонить? Но тогда сюрприз не получится. Может, он просто вышел?"

Из соседнего офиса были слышны голоса.

"Спросить? Вдруг он успел познакомиться с соседями?" – решительно вошла.

В кабинете никого. Голоса доносились из смежной комнаты.

"Точно! Он же говорил, что офисы здесь состоят из кабинета и приёмной", – приостановилась в нерешительности. Заглядывать в чужой кабинет было неловко.

Хотела уже выйти, но меня смутил мужской голос. Кажется, это был Влад.

На цыпочках, чтобы не цокать каблуками, подошла к массивной двери кабинета и прислушалась.

Да. Точно он! Только... с кем это он?

Ладонь вспотела на ручке двери. Я замерла, словно во сне, когда тело не слушалось.

– Ну, что ты тянешь, Влад? Ты же обещал, – капризный женский голос с явным акцентом...

– Не стоит спешить. Пока документы не подписаны, лучше пусть она не знает. Зачем нам лишние проблемы, детка?

"Детка?! Что за хрень? Непохоже это на деловые переговоры", – я пока ничего не понимала, но сердце бухало так, что я с трудом разбирала, о чём там речь.

Слово "Милый" прозвучало как стартовый выстрел.

Больше не медля ни секунды, я решительно толкнула дверь.

Глава 2. Ненавижу!

Первое, что я увидела – её ногу. Голую, закинутую на подлокотник кресла. Потом – руку Влада, лежащую на её бронзовом от загара бедре. Пальцы впивались в кожу, будто проверяя на упругость.

И ещё сосок.

Он торчал из белоснежного кружева под расстёгнутой блузкой, будто дразня. Моника, я сразу узнала её, сидела у Влада на коленях, обнимая за шею, а он что-то шептал ей на ухо, касаясь губами мочки.

И ещё я заметила кольцо на её пальце.

То самое.

С бриллиантом, в тонкой платиновой оправе. Именно такое Олеся показывала мне тогда на фото. Влад советовался с ней, прежде чем купить. Но подарил другое — с мелким камушком, скромное.

"Оно тебе больше идёт", – сказал он тогда.

А сейчас это кольцо сверкало на пальце Моника.

– Влад... – словно со стороны услышала я свой осипший голос.

Они резко обернулись. Моника соскользнула с его колен, поспешно застёгивая блузку. Влад вскочил, лицо его исказилось – не от раскаяния, а от злости.

– Вера?! Ты чего здесь...

– Поесть тебе приготовила! – дальше всё происходило как в замедленной съёмке.

Сорвав фольгу с контейнера, я с размаху запустила лазаньей ему в лицо.

Реакция у мужа была отменной. Он молниеносно отклонился, и многослойный шедевр моей стряпни впечатался в растерянное лицо Моника.

– Ай! – завопила она. – Влад!...

Моника верещала, стирая с лица руками томатный соус и тянущиеся нити сыра. Но я уже не смотрела на неё.

– Ты продал МОЮ квартиру, чтобы купить ей кольцо?! – мой голос сорвался в крик. В висках стучало так, будто череп готов был треснуть.

Влад взял со стола какой-то документ и брезгливо вытер ладонь.

– Вера, успокойся... Это просто бизнес.

– Бизнес?! – задохнулась я от нахлынувшей ярости. – Это кольцо, – не глядя кивнула на руку Моники, – стоит охрененных денег. Мне Олеся показывала его. Ты с ней советовался, прежде чем купить. Я думала мне... А ты! – мой голос дрожал. – Для неё его выбирал?! Это ты называл инвестицией?!

– Ой, перестань истерить, – фыркнула Моника, вытирая салфеткой шею. – Ты сама виновата. Такие, как ты сами хотят быть обманутыми. Наверно, это участь дурнушек.

“Хлоп!” – я даже ответить ей не успела. Моя ладонь непроизвольно с хлёстким щелчком жახнула по её щеке, оставляя алый отпечаток.

Моника ахнула, схватившись за щеку и испуганно тараща на меня глаза, а Влад, боясь продолжения, ухватил меня за запястье, стараясь оттащить от Моники подальше.

– Ты с ума сошла?! Ты что творишь?! – рявкнул, хватая за талию.

Кровь стучала в ушах. Я дёрнулась, но его хватка была железной.

– Ты негодяй! – прошипела я задыхаясь. – Ненавижу тебя! – колотила по его стальной от мышц груди.

На краю стола увидела бокал с остатками чая. Не раздумывая, схватила его свободной рукой.

– Вера, прекрати! – рявкнул Влад. – Ты вообще понимаешь, что потом будешь жалеть о том, что сейчас здесь творишь?! – он попытался перехватить мою руку, но я сопротивлялась.

– Жалеть? Я? – вывернулась и посмотрела ему в глаза. Но я не узнавала в нём того, в кого была так безумно влюблена. Он только что втоптал в грязь не только чувства мои, но и веру в любовь.

А он... Он даже не отрицал ничего, не бросался объясниться со мной. Только злился, что пришла без предупреждения.

И тут в голове, словно пазлы сошлись: помолвка Моники. Его предложение. Бизнес. Квартира. Деньги.

– Ты... использовал меня, – посмотрела ему в глаза с ненавистью. – Ты изначально со мной из-за... моей квартиры?!

Глава 3. Вера без веры

Влад сжал кулаки, его глаза стали чужими.

– Ну и что? – он бросил это спокойно, будто говорил о погоде. – Ты сама была рада отдать. Горячая кровь ударила мне в голову.

“Бах!” – всплеск чая на его белоснежную рубашку, которую я сама для него выбирала... Бокал ударился в огромное стекло и рассыпался на множество черепков.

– Ты что?! Совсем кукушкой поехала?! – взревел он, надвигаясь на меня.

– Это только начало, милый! – прошипела я. – Хотел попользоваться и бросить? Не выйдет! Это ты пойдёшь на хрен, когда вернёшь все мои деньги с продажи. Иначе...

Что иначе, я пока не знала, но ему не стоило об этом знать.

– Ну, ну... И что ты где собираешься доказывать? – усмехнулся он.

“Боже, как я могла любить его улыбку? Как вообще могла любить этого насквозь лживого человека?!” – мне казалось, я находилась в эпицентре урагана – тело дрожало от ярости, а внутри была лишь ледяная пустота. Как будто он только что выпил меня до дна. Всю. Даже слёзы.

– Забудь, девочка моя, о своих намерениях. Все документы оформлены не на меня. Я вложил деньги в бизнес, которым владеет Моника... – словно издали слышала я его голос, не сводя глаз с той, которую он только что ласкал... Это ради неё он так со мной?!

Моника уже привела себя в божеский вид и издали бросала на меня пропитанные ядом взгляды.

– У меня есть запись разговора, – покрутила я телефоном, пятясь к двери. – Встретимся в суде.

– Вера, хватит выдумывать!

– А вот и нет. Я докажу, что вы мошенники! И ты пожалеешь...

Последнее, что увидела: их побледневшие лица.

– Встретимся в суде! – крикнула, хлопая дверью. Услышала тяжёлые шаги за спиной и бросилась бежать.

Но Влад догнал и схватил за руку.

– Вера, подожди! Ты всё неправильно...

Я рванулась. Шов на плече платья треснул с противным звуком.

– Не трогай меня! – прошипела я с такой ненавистью, что он отпустил. – Никогда! Слышишь? Никогда больше не приближайся ко мне.

Мне хотелось уйти с гордо поднятой головой. Но слёзы душили. Я не хотела плакать при нём, поэтому побежала по лестнице вниз.

Скорее! Вдохнуть поток воздуха на улице...

– Вера! Стой! Ты всё не так поняла! Подожди... – преследовал меня голос Влада. Он не отставал.

Если бы я сегодня участвовала в забеге дамочек на каблуках – приз был бы мой.

Мимо охранника я пронеслась ланью.

Выскочив на улицу, оглянулась по сторонам. Тротуар плыл перед глазами, ладони тряслись так, что телефон едва не выскользнул из пальцев.

Возле здания стоял чёрный Lexus LS. Высокий брюнет как раз садился на водительское место.

Не раздумывая, рванула ручку задней двери на себя. Автомобиль резко дёрнулся, когда я ввалилась на заднее сиденье, едва не прищемив подол платья.

– Эй! – возмутился мужчина оглядываясь. После улицы в машине был полумрак. Я разглядела только резкие скулы и холодный блеск его глаз. – Вы вообще в своём уме?! Выходите немедленно! – возмутился он.

Влад не видел меня через тонировку стекла машины, но я на всякий случай пригнулась, увидев, как он сканирует хмурым взглядом припаркованные неподалёку такси.

– Трогайтесь! Пожалуйста... – хриплым шёпотом взмолилась я.

Незнакомец что-то буркнул сквозь зубы, но повернул ключ в замке зажигания. Рычажок блокировки двери вдавился в углубление на автомате. Я вцепилась в кожаную ручку сиденья, краем глаза отмечая, как водитель нервно барабанит по рулю, выкруливая и вливаясь в поток машин на проспекте.

“Божечки!” – только теперь оценила я риск своего безумного поступка. – Кажется, я влипла. Багровый от погони и ярости муж остался позади. Но тот, кто сидел за рулём, пугал сильнее.

Мои побелевшие от напряжения пальцы всё ещё сжимали телефон. С Олесей, лучшей подругой, я не общалась целую неделю. С тех пор как мы поссорились с ней в кафе. Но сейчас мне было не до гордости. Сняв телефон с блокировки, пролистнула ленту вызовов и нажала на “Леська”.

– Вера? – голос подруги прозвучал настороженно, но без вызова.

Я не смогла выговорить ни слова – только рыдающий вдох.

– Верусь, что случилось?! – мгновенно включилась она. – Ты где?

– Ты... Ты была права... – выдохнула я, чувствуя, как по щекам катятся горячие слёзы. – Ты помнишь, то кольцо, что показывала мне?! Он его Монике подарил...

– О боже, – ахнула Олеся. – Где ты сейчас?

– Я в машине, – покосилась на молчаливого водителя, притормозившего на светофоре.

– У Влада?

– Нет.

– А у кого?

– Не знаю, – прошептала в трубку.

– Вер! Ты... в такси?!

– Не совсем, – пробормотала я. – Мужчина! Остановите, пожалуйста, возле Сенной! Меня там ждут! – крикнула нарочно громко.

– Поняла! Уже еду туда, – проговорила подруга, но не сбросила вызов.

Lexus плавно вынырнул из общего потока и притормозил, не доезжая до жёлтой разметки возле остановки общественного транспорта.

– Не стоит благодарностей, – проговорил, не оборачиваясь.

Но я встретила его пристальный взгляд в зеркале заднего вида.

“Где-то я уже его видела. Где?! – пыталась вспомнить, но голова была похожа на пустое ведро из жести. Такая же гулкая и тупая.

Рычажок блокировки отскочил. Я дёрнула ручку на себя. Дверь открылась.

– Спасибо, – пробормотала, проворно выскакивая из машины. Было не по себе. Он мог подумать, что я таким образом знакомлюсь...

– Может, вам заплатить?

“Фу ты! Что я несу?”

Ответа не дождалась и захлопнула дверь. Автомобиль, словно норовистый конь, тут же рванул с места.

“Блин! Где я его встречала раньше?” – посмотрела вслед слившегося с потоком машин автомобиля.

Глава 4. Олеся

Сенная площадь встретила меня шумом толпы и резким порывом ветра.

Олеся только что сообщила, что уже приехала на станцию, поэтому я прохаживалась неподалёку от выхода из метро.

– Верусь! – услышала за спиной, едва я отвернулась.

Яркая, как бабочка, подруга неслась ко мне, расталкивая мешающих её движению людей. Правда, при этом она не забывала улыбаться и говорить “простите”. Но я видела, как на неё недовольно оглядываются.

– Верусь! Ну... слава богу, живая, – выдохнула она скороговоркой, подбегая ко мне. – Что стряслось?!

– Лесь, прости меня, – на глаза навернулись слёзы. – Я должна была сразу тогда позвонить тебе.

– Забей! – отмахнулась она и распахнула широко руки, приглашая меня к примиряющим обнимашкам.

– Какая же я дура, – прошептала я.

– Всё, всё, дыши... – Олеся гладила меня по спине.

Я зажмурилась, пытаюсь справиться рвущимися наружу рыданиями. Почувствовав моё состояние, подруга терпеливо ждала.

– Рассказывай, что случилось, – проговорила она, когда я, всхлипнув последний раз, принялась вытирать слёзы. – Но сначала давай уйдём отсюда, – повертела головой и потянула меня к переходу. – Тут недалеко кафешка есть. Там посидим, и ты мне всё расскажешь.

Я лишь кивнула в ответ.

В кафе было полно народу, но нам повезло, как раз освободился столик в углу. Самое то. Я понимала, что моя белая кожа сейчас от слёз пошла красными пятнами, а мне совсем не хотелось быть объектом повышенного внимания.

Заказали два капучино, но я не могла взять чашку – руки тряслись.

– Олесь, он... мы с ним продали квартиру, – шмыгнула носом я.

– И?... – она ждала, а я кусала губы.

Как же мне больно было признавать, что подруга была права, а я не прислушалась к её словам неделю назад. А ведь могла тогда сходить на консультацию к юристу и оформить всё, как надо. Так нет! Боялась обидеть его недоверием. А теперь вот, осталась ни с чем.

– Я деньги Владу отдала.

– Все? – зачем-то уточнила она.

– Все, – обречённо выдохнула я.

– А он?

– А он... – я уткнулась в ладони, чтобы спрятать сбегающие по щекам слёзы. – Он... С той Мониной... Они любовники, Лесь! Представляешь?! То кольцо, помнишь, ты показывала мне. Он якобы для меня выбирал, – я с ненавистью посмотрела на милый перстень, его подарок, на своём пальце и тонкий ободок обручального над ним. Начала судорожно скручивать их с пальца.

– Да, я помню. Ты к чему вспомнила?

– Это кольцо у Моники на пальце! Представляешь?! Я, дура, лазанью ему приготовила, потащила обедом накормить в его новом офисе. А он там. С ней... Лесь, они с ней давно. Он целенаправленно меня на квартиру раскручивал. А я, дура... – спазм перехватил горло, и я замолчала.

– Я конченная дура! – прошептала, уткнувшись лбом в ладони. – Ты же тогда предупредила... А я... Я так верила ему, Лесь. Ну, как такое возможно?! Он же говорил, что любит. И... – я сморгнула навернувшиеся слёзы. – он же целовал меня. И всё остальное... Как так? Если он её любил, а не меня, то как мог со мной заниматься... любовью? Зачем?! Ты можешь мне сказать?! – я смотрела в глаза Олесе, а видела перед собой Влада. Это ему я сейчас задавала душивший меня вопрос: “Зачем?” – Если не любил, то зачем каждую ночь приставал ко мне с сексом? Я не говорила ему, что не хочу, но он должен был чувствовать, что я терплю это. Я хотела, чтобы ему было хорошо... Потому что любила. Но он-то, зачем?! Каждую ночь! И о детях со мной говорил. Мечтали, сколько у нас их будет... У меня что, на лбу написано, “идиотка”? Почему он так со мной? Это же как надо было меня не любить, чтобы смотреть в глаза и лгать. Олесь, милая, я вообще не понимаю, как теперь жить с этим, – я больше не могла сдерживаться. Так плакала я последний раз в детстве, когда мама забыла про мой день рождения. Бабушка пришла с подарком, принесла торт, а мне было так горько. Ведь Светкин день рождения отмечали пышно буквально месяц назад. А мой забыли...

Мама, когда пришла бабушка, опомнилась. Сказала, что завтра мы пойдём в магазин и я выберу себе подарок сама.

Мы потом пили чай с тортом, который бабушка испекла для меня. Но обида никуда не делась. Наоборот, с годами она обрастала новыми ситуациями. Пока я не выросла и не поняла, что мама во мне видела моего отца, который обидел её, бросив беременной. Я была похожа на него, видимо, поэтому она так и не смогла полюбить меня так, как свою вторую дочь, Свету.

Той досталась вся её безудержная материнская любовь. Но теперь я её не винила. Наоборот, когда вышла замуж за Влада, стала понимать, насколько ей было больно, когда осталась одна. А она ведь тоже хотела быть счастливой. Видимо, с Валерием Романовичем она чувствовала себя счастливой.

А мне нехватку материнской любви сторицей давала бабушка. А потом я встретила Влада. Он мне казался совершенством мужской красоты, ума и смелости. Его доброту, я приняла за любовь. Мечтала о семье с ним, о детях. И когда он сделал мне предложение, конечно же, согласилась. Я собиралась стать ему верной женой и мамой нашим детям...

– Я такая, никчёмная уродина, да, Лесь? – шмыгнула носом.

– А ну, прекрати! Ты красотка! Не наговаривай на себя.

– Я больше никогда не поверю ни одному мужику, – помотала головой, не слушая её. Понимала, что Олесь меня успокаивает. – Вот, накоплю денег на учёбу и обязательно стану детским врачом, как бабушка. Буду детишек лечить. А там посмотрю. Может, из дома малышки ребёнка возьму, воспитаю.

– Вер, хватит! – Олеся вспыхнула, отставляя чашку. – Хватит себя хоронить из-за одного подонка. – И наговаривать на себя нечего! Ты не дура! Ты поверила человеку, который специально всё подстроил. Это он, Влад, – подлец! Не надо по одному человеку судить обо всех. Ты ещё найдёшь свою любовь. И будут у тебя с ним свои дети, вот посмотришь.

– Нет, – прикрыв глаза, отгородилась ладонями от всего, что она так радужно нарисовала, – я больше никогда не выйду замуж! Слишком больно, Лесь, когда в твою душу вот так, в грязной обуви... Не дай бог тебе испытать то, что я чувствую сейчас. Нет! Я больше никому никогда не поверю...

– Не зарекайся, – усмехнулась она. – Но я понимаю, как тебе сейчас хреново, – взяла меня за руку. Стало как-то спокойнее. словно я не одна со своей бедой в целом мире, а есть человек, которому на меня не плевать. – Ты держись, Верусь. Любую боль время лечит. И плачь, если надо, не стесняйся... А этого козла, мы прижмём! Так прижмём, что пожалеет, что родился!

– Никого мы не прижмём, – скривилась я, словно разом все зубы занули. – Я же наврала ему, что у меня запись разговора есть. На самом деле, у меня ничего нет на него.

– Странно было бы, если бы была, – хмыкнула та. – В таком состоянии только героиня боевика могла хладнокровно нажать на запись. Но ты не унывай, мы обязательно найдём, за что зацепиться, – проговорила упрямо. – А если не получится деньги вернуть, устроим ему личный ад, – Олеся изобразила кровожадную гримасу.

– Не верю я, что деньги верну. Ну, да ладно, – вздохнула я.

– Квартира была твоя? Твоя... Наследство от бабушки. Вот, на этом и будем стоять.

– Но я же сама отдала эти деньги. Документы все собственноручно подписала.

– Какие документы?

– Да, фиг знает. Он же бизнес открыл тогда. Там до хрена было всего. Он с юристом советовался, как лучше сделать. Значит, всё оформил, чтобы невозможно было подкопаться.

– А ты позвони отчиму.

Я дёрнулась, будто она ткнула меня вилкой.

– Серьёзно? Ты знаешь, как мы с ним...

– Знаю. Но у него связи, Вер. И он хоть и сволочь, но не чужой тебе человек. Должен же он помочь.

Я закусила губу. Отчим... Последний разговор с ним закончился хлопнувшей дверью.

– Нет. Он пошлёт меня. Не могу я.

– А где ты сейчас будешь жить, подруга? – перебила меня она, думая о чём-то своём.

– У Влада ключи есть. Он теперь думает, что у меня есть компромат на него. Нет, в квартире той я не останусь, – проговорила я твёрдо.

– А вещи? Мебель... – напомнила подруга.

– Не знаю, – растерялась я. – У меня нет денег, чтобы снять другую квартиру.

– Ну, ближайшие дни сможешь у меня переночевать. Я Радика к родителям отправила. Пусть подумает, чего хочет от жизни, – лицо Олеси вмиг помрачнело. – Надоело мне кормить его, пока он “ищет себя”.

– Вы расстались?! – ахнула я.

– Правильнее сказать – поставили отношения на паузу, – вздохнула та. – Так что вполне можешь у меня пока перекантоваться.

– Спасибо, Лесь! Что бы я без тебя делала? – проговорила искренне.

– Сухари сушила, – отмахнулась та. – Ты давай, дифирамбы мне не пой. Оставь на потом. Звони лучше отчиму.

Обычно, когда Леська включала “поучителя”, я злилась и посылала её, но сейчас мне как раз нужна была её уверенность.

– Лесь, а что я ему скажу? Он же даже не в курсе, что я квартиру продала, – сглотнула нервно, понимая, что меня ждёт.

– Вер, тебе всё равно придётся им всё рассказать. Так лучше сразу. Скажи, – захлопни уши, пусть пар выпустит, а потом попроси найти хорошего юриста. И скажи, что нужно мебель куда-то вывезти. Валерий Романович, конечно, тот ещё... – покосилась на меня, подбирая приличные слова, – стервец, но он деловой мужик. И тебе сейчас очень нужна поддержка семьи.

С тяжёлым сердцем я набрала номер отчима.

Глава 5. Отчим поможет

Телефон гудел в руке, как живой. Каждый гудок отдавался в висках, сливаясь с бешеным стуком сердца.

“Он меня в асфальт закатает...” – содрогалась я от мысли, как буду сейчас объясняться с ним, после того как буквально послала, сказав, что я уже взрослая и он не вправе решать за меня, за кого мне замуж выходить.

Очень хотелось отжать вызов. Мне сегодня хватило унижений и без его нотаций.

Но...

Я понимала, что сама сейчас не в состоянии что-то решать.

Вещи бросать жалко. И с юристом надо обсудить сложившуюся ситуацию.

Отчим, с его связями мог легко помочь мне в этом.

Щелчок. Тишина на том конце показалась зловещей.

– Алло? – голос отчима прозвучал привычно деловито и чуть устало.

– Валерий Романович? Это... Вера, – выдавила я, сжимая трубку так, что пластик скрипнул в пальцах.

Тишина. Густая, тягучая. Потом – взрыв.

– Ну, понял уже, что Вера, – его голос грохнул в ухо, заставив инстинктивно отдёргнуть телефон. – Что стряслось у Веры?

“Ну вот! В обычной фразе куча упрёков”, – вздохнула я, кусая губу. Я не знала, с чего начать. Этот человек совсем не располагал к откровению.

– Клёпа, у меня мало времени. Что ты там дышишь в трубку?! Говори что надо! – рыкнул раздражённо.

– Валерий Романович, Влад оказался мошенником, – словно с обрыва сиганула я в горную реку. – Сказал, что нужны деньги для старта его бизнеса.

– Ну и? Мне-то чего звонить? Скажи, что денег у тебя нет, и всё, – проговорил торопливо. Я прямо представила, как он сейчас смотрит на часы. – Погоди! – видимо, до него начало доходить... – Что значит, “оказался мошенником”? Он что, кинул тебя? Но как? У тебя, кроме свадебных денег, ничего нет.

Я вздохнула, давая ему возможность самому догадаться.

– Эй! Ты что там замерла?! – проговорил растерянно. Видимо, не хотел верить в худшее. – Ты что, бля@, квартиру просрала?! – он ждал ответа, но и без моего блеяния: “Да”, уже всё понял.

Я сжалась в комок от разразившихся матов, вперемишку с эпитетами, “идiotка безмозглая”, “ебанутая на всю голову сука” и в том же духе... Отчим превзошёл сам себя. Я думала, что за свою жизнь уже всё слышала от него. Но как оказалось, раньше он себя сильно сдерживал. Такого он мне никогда не говорил.

Даже издававшая всякое Олеся, схватилась за голову, испуганно тараща на меня ставшие круглыми глаза.

Я уже собиралась сбросить вызов, но по возникшей паузе поняла, что запал его ярости иссяк.

– Самостоятельная, бля@, – проговорил устало после бесконечного потока ругательств. Сначала наворотила дел, потом вспомнила, что родня есть. Конечно! Валерий Романович только и нужен, чтобы говно разгребать за всеми, – началась вторая серия упрёков, которые я даже не в силах была понять сейчас.

“И когда ты за мной это самое разгребал?” – огрызнулась про себя. Но отвечать ему сейчас значило подбросить в топку ещё дров.

– Ты заложила квартиру? Или что? – догадался, наконец, задать конкретный вопрос.

– Нет. Влад предложил продать квартиру. Я ему деньги после продажи отдала...

– Клёпа, хер ли ты звонишь теперь?! – в голосе прозвучала насмешка. – Звонить надо было тогда, когда он тебе предложил такое. А теперь? С чего взяла про мошенничество? Что с тебя тянуть надо всё? Говори по толку.

“Блин! Так, мне слово вставить некуда!” – закатила я в потолок глаза.

– Я узнала, что он мошенник случайно. Пришла к нему в офис и застала... с другой.

– Вот стервец! – хрюкнул отчим. Мне показалось, что в смешке прозвучало одобрение.

Может, показалось? – А я недооценил его! Зря не присмотрелся раньше. Можно было его к себе взять и использовать его талант.

“Это он сейчас серьёзно? Или шутит так?”

– Валерий Романович, я позвонила, чтобы попросить вас найти мне хорошего юриста. И ещё... Мы сняли квартиру... Там мебель, вещи... Не могли бы вы их вывезти пока куда-нибудь?

– С хрена ли? – развеселился он. – Квартира оплачена?

– Да. Но...

– Вот и сиди там! К нам с матерью сама знаешь, некуда.

“Угу. В твоей квартире для меня и раньше места не было, а теперь и подавно”, – пока слушала его, я кусала щеку изнутри, и теперь она болела.

– Особенно после того, как ты поступила с нами, со Светой. Мать потом на успокоительном – неделю сидела. Конечно. Душу в тебя вкладывала, а ты семью на ё***ря своего променяла, – поток упрёков у него не заканчивался.

Каждое такое оскорбление ранило и приносило страдания. И этот кошмар никак не заканчивался.

– Валерий Романович, я знаю, что совершила непоправимую глупость. Да, я всё то, что вы только что перечислили, но давайте поговорим о том, зачем я позвонила? Вы можете мне с юристом? И вещи... Я не останусь в той квартире. У Влада есть ключи. А без разрешения хозяев менять замки нельзя.

– Тогда где ты будешь кантоваться? После того как ты поступила со Светланой, она не согласится жить с тобой.

– У меня есть где переночевать.

– Надеюсь, не к очередному мужику пристроиться решила?

Меня затрясло. Желание бросить трубку, спрятаться было нестерпимым. Но мебель... Вещи бабушкины.

От обиды и злости моё обычно бледное лицо запылало огнём.

Отчим говорил громко, поэтому Олеся слышала весь разговор даже без громкой связи, и теперь, видя моё состояние, показывала знаками, чтобы я успокоилась и не дерзила ему.

Мне удалось медленно выдохнуть.

Олеся была права: в словесной перепалке сложившееся у отчима мнение обо мне я бы не изменила, зато выслушала бы ещё кучу дерьма о себе.

– Нет. У меня есть подруга, – ответила ему.

Очень хотелось дать ему понять, что только она и есть...

– Хватит придуриваться. Квартира оплачена. Оставайся в ней, а этот засранец сунется – звони мне. Приеду повидаться с ним.

– Я... я не для споров звоню, – проговорила, стараясь, чтобы голос не дрожал, но он предательски срывался. – Вы найдёте юриста? Или через интернет мне посмотреть? И мебель... Вам ключ как передать? – собрав всю себя в кулак, я продолжала стоять на своём.

– Ключ, бля@! – проговорил возмущённо. – После того как ты на все советы, как на пустой звон, наплевала?! Когда мы с матерью тебе говорили – не спеши, присмотришь к этому своему Владу! Говорили же! Так нет! Квартиру она не захотела со Светкой делить. Ну и?... Кто из нас прав оказался? Нет ума, так советовалась бы хоть...

О боже!

Казалось, что он решил добить меня, гоняя упрёки по кругу.

– Валерий Романович, мне что сейчас, поклясться на крови, что второй раз я такую глупость не совершу?

– Конечно, не совершишь! У тебя же больше нет квартиры! – издевательски хохотнул он.
– Завтра сообщу, куда подойти тебе.

– К юристу?

– К нотариусу. Доверенность оформим на представление твоих интересов в суде и везде...

– На кого? – не поняла я.

– На меня, конечно, – усмехнулся он. – Или ты сама собираешься с этим умником тягаться?

– Эм... – растерялась я. – Я хотела просто с толковым юристом встретиться и подумать с ним, есть ли у меня шансы вернуть деньги.

– Ты свои шансы просрала, Клёпа. Теперь я буду решать дела, – проговорил не терпящим возражений тоном. – А ключ. Ты, когда там свои шмотки забирать поедешь?

– Через час буду там.

– Сбрось адрес эсэмэской. Я заеду. Дождись меня там, – сказал торопливо и сам сбросил вызов.

Лишённая дара речи я уставилась на Олесю. Та тоже молчала. Удивительно, говорила с отчимом я, но подружки щёки пылали наравне со мной.

– Пиздец! – возмущённо проговорила, наконец, она. – И этот урод заменял тебе отца?

Я не ответила. Слова Олеси пробили последнюю плотину. В ушах всё ещё звенело от его голоса, но теперь поверх ярости накатывала ледяная волна понимания. Доверенность. На него.

Я медленно подняла взгляд с экрана телефона. Пламя на щеках схлынуло, оставив мертвенную бледность и холод внутри.

"Ты просрала шансы, Клёпа" – вот его приговор!

Холод осознания.

"Завтра к нотариусу". "Теперь я буду решать".

Это был не рывок за руку из ямы. Это был удар под дых и кандалы. Он собирался прижать Влада. Да!

Но! Делал это не для меня и не ради меня. Он сам был заинтересован прибрать если не квартиру бабушки, то теперь деньги, вырученные за неё – себе.

Под видом заботы он собирался отнять у меня даже шанс вернуть эти деньги.

Олеся видела, как меняется моё лицо. Её возмущение сменилось тревогой.

– Вера?...

– Он требует оформить доверенность на него... – прошептала я,

– Ну и ладно. Он мужик умный. Прижмёт твоего Влада, – Олеся повела плечом, не понимая, почему я так напряжена.

– Ты не понимаешь, – покачала я головой. – Даже если он и вытряхнет деньги с Влада, я их не получу.

– Ну, так не давай доверенность. Сама с юристом поговори.

Я с завистью посмотрела на подругу. Как у неё всё было просто: дай доверенность. Нет? Ну не давай...

А мне не подходило ни то ни другое. А третьего я пока не могла придумать...

Глава 6. Вот и всё

Дорога до съёмной квартиры прошла в гнетущем молчании. Олеся, бросая тревожные взгляды на моё заплаканное лицо, не решалась заговорить. Я же уткнулась в окно маршрутного такси, наблюдая, как мелькают вывески многочисленных торговых точек. “Самостоятельная, бя...” – эхом отдавалось в голове. Валерий Романович, как всегда, попал в самую точку своей циничной правдой. Я чувствовала себя полным ничтожеством, неспособным ни на что в своей жизни. Мечтала о семье – получила сполна боли и разочарования. Мечтала стать врачом – смогла закончить лишь медицинский колледж. Чтобы учиться дальше, нужны были деньги. Если бы я не пыталась быть хорошей для Влада, на те деньги от продажи квартиры, я могла получить нужное мне образование, ещё и осталось бы на съём жилья и взнос для ипотеки.

А теперь что?

Фамилию ненавистную сменила, а толку? Клёпа осталась Клёпой...

“Ну почему я такая, дура доверчивая?”

Как же я себя ненавидела сейчас.

Квартира встретила нас беспорядком – свидетельством поспешного бегства Влада. Сердце сжалось от боли. У мужа хватило совести заявиться сюда сразу после скандала и забрать всё, что посчитал нужным.

– Собирай только самое необходимое, Вер, – мягко сказала Олеся, открывая шкаф в прихожей. – Иначе мы здесь застрянем до ночи.

– Да, конечно... – вздохнула я озираясь.

В этой квартире я провела всего одну ночь. Сегодня только разобрала вещи, поэтому сейчас мне предстояло сосредоточиться, чтобы вспомнить, что где лежит.

В первую очередь – коробка с документами. Закрался страх: вдруг Влад забрал и мои документы? А там всё...

Мне повезло. Я убрала их в коробку из-под своих босоножек и поставила рядом с другими коробками на нижней полке стеллажа, собираясь позже найти более подходящее место. Видимо, впопыхах он не нашёл.

Ну, хоть в этом повезло!

Тёплый свитер, джинсы, обувь, бельё, блузка, платье... косметичка с почти пустым брасматом туши, твёрдые духи – купила в Тунисе, блеск для губ. Поискала взглядом ноутбук.

Его не было ни в комнате, ни в кухне.

Влад решил, что ему он нужнее... Эх! Вообще-то, у него был свой. А этот я покупала себе ещё до свадьбы.

Чемодана тоже не оказалось на месте.

– Вер, можно в коробки сложить всё обратно, – кивнула Олеся на стопку картона в прихожей, видя, как я, беспомощно озираюсь, держа вещи в охапке. – Скотч не помнишь где?

– В верхнем ящике комода, – положила вещи на диван, чтобы собрать коробки.

Легко сказать: “взять необходимое”.

Всё, что оказывалось в руках, было ценным для меня. Как не забрать бабушкин альбом с нашими фотографиями? Если отчим увезёт, кто знает, вернётся ли он ко мне потом.

Книги бабушкины. Там полно медицинских справочников и другой литературы, которая, я надеялась, мне могла понадобиться в будущем.

Чем дольше я рылась в вещах, тем больше “необходимого” оказывалось в руках: любимая кружка, подаренная Олесей на моё двадцатилетие, рамочка с фотографиями, толстая книга, которую никак не дочитаю... Олеся молча подавала коробки, а я складывала, потом выкладывала обратно, понимая, что не могу устроить в квартире подруги склад. Когда в прихожей образовалась пирамида из коробок и пакетов Олеся спросила:

– Это всё?

Я кивнула, чувствуя, как ком подступает к горлу. Эта кучка коробок олицетворяла всю мою прошлую жизнь.

Отчим давно должен бы подъехать, но до сих пор его не было, а звонить не хотелось.

“Ладно, вынесем коробки на улицу, тогда позвоню”, – дала себе отсрочку я.

На улице начало темнеть. Ветер, словно поджидал нас, порывами швыряя в лицо мерзкую изморось. Олеся держала дверь подъезда, а я складывала коробки под козырьком, чтобы не размокли.

Отчим походу забыл про меня. Достала телефон, чтобы проверить, нет ли sms от него, но не успела. Возле подъезда остановился чёрный внедорожник отчима. Он вышел, но мотор не заглушил, всем видом показывая, что спешит.

– Вот ключи, – протянула я ему связку, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – От квартиры. Там... там пока всё наше.

Он молча взял ключи, бросив беглый, оценивающий взгляд на батарею коробок, сложенных возле стены.

– Можете отвезти? Здесь не очень далеко, – проблеяла я, в его спину.

– Нет, – он уже сидел за руль. – Спешу. Вызови такси. Завтра позвоню, скажу, куда и во сколько подъехать.

И прежде чем я успела ответить, мощный автомобиль рванул с места, оставив нас с Олесей в облаке выхлопных газов.

“Дура! Зачем было унижаться, просить его? Видно же было сразу, что он палец о палец не стукнет, чтобы помочь тебе”.

– Я вызвала такси, – вывела меня из ступора Олеся. Через пять минут будет здесь.

И правда, такси подъехало почти сразу. Водитель, хмурый мужчина средних лет, оглядев багаж, выругался, что у него не грузовик и... уехал!

– Блин! На фиг я ключи ему отдала? – взялась за голову я, сейчас бы обратно часть вещей отнесли, чтобы в такси доехать спокойно.

– Так! Не ссы, подруга, – оптимистично заявила Олеся, видя, что я вконец расстроена. – Сейчас дам Радике шанс, – потыкав в дисплей телефона пальцем, Олеся замерла в ожидании.

Глава 7. Яблоко от яблони...

– Да. Я. Кто же ещё с моего телефона?!... Слушай, Рад, мы тут с подругой вещи её ко мне перевозим. В такси коробки не влезли... Ты сможешь? – её голос словно по волшебству обрёл бархатные нотки.

“Ну и лиса!” – усмехнулась я, предполагая, что Радик сейчас пошлёт её лесом. Ведь у него нет грузового такси.

Но нет. К моему удивлению, он перезвонил через несколько минут и попросил прятаться от холода в подъезде по очереди. Он типа, уже едет.

Каково же было моё удивление, когда спустя полчаса к нам, дребезжа, действительно подъехал микроавтобус.

– Девочки, вы как? Не сильно замёрзли? – лучезарно улыбаясь, из микрика вышел Родион.

– Ну так... – Олеся тщетно прятала под маской скептицизма радость. Оно и понятно. Мне бы тоже было приятно, если бы ради меня мужчина был готов совершить подвиг.

Пока ехали, Радик сыпал шутками. Олеся хихикала, а я вежливо улыбалась, думая о своём.

Машина остановилась у подъезда подруги. Я вышла, собираясь разгрузить вещи.

Но Радик, отодвинув меня в сторону, попросил не мешаться, а лучше придерживать двери.

В считанные минуты он вытаскал все коробки в квартиру Олеси.

Мне бы радоваться. А я стояла расстроенная.

Олеся с появлением Радика оживилась, и видно было невооружённым взглядом, как она светится.

– Поговорим? – Родион подошёл к ней и, взяв за руку, отвёл в сторону.

– Вер, я сейчас... – проговорила, следуя за ним.

Я могла подняться в квартиру, но медлила.

Олеся была рада, что он искал способ помириться с ней. Значит, сама этого хотела.

Они отошли в сторону, их тихий, напряжённый разговор доносился обрывками. Я отвернулась, делая вид, что копаюсь в пакете, чтобы не видеть, как Олеся улыбается ему сквозь слёзы, как он берёт её за руку.

Моё вторжение в её личную жизнь сейчас казалось верхом эгоизма.

Но куда я поеду?

И тут зазвонил телефон.

Высветился номер Людмилы Петровны, старшей медсестры.

– Да. Здравствуйте.

– Вера, добрый вечер, – её голос показался напряжённым. – Извините, ради бога, – говорила она, но у нас форс-мажор... Алла Мамедова, которая должна была работать в ночь... Она только что сообщила, что не сможет выйти на смену.

– А что с ней? – удивилась я.

Алла за всё время моей работы в клинике ни разу не болела.

– Она была за городом и попала в аварию.

– Цела?! – охнула я.

– Да. Сказала, что с ней всё в порядке, но там есть ещё участники аварии. Машины помяты. Ждут ГАИ. Она никак не успевает на смену. Вы... не могли бы поработать? Алла обещала потом подменить, когда будет нужно.

“Фух!” – радость, острая и неожиданная, ударила в грудь.

– Да. Сейчас буду! Не волнуйтесь... – ответила радостно.

Это был выход!

Возможность побыть одной со своими мыслями в тишине ночного отделения. И не мешать Олеся.

Краем глаза отметила, что Родион держит её за руку, а та не против.

Подошла к ним. На лице подруги отразилось смятение.

– Вер... – начала она.

– Подожди, Лесь! – перебила я её, стараясь звучать максимально легко. – Мне только что позвонили с работы. Срочно нужно выйти в ночь. Коллега в аварию попала. Так что... Я сбегáю, ладно? Занесёшь пакет, чтобы мне не подниматься?

Облегчение, смешанное с искренним беспокойством, отразилось на лице подруги.

– Да. Конечно! Но ты как? Сможешь ли работать сегодня?

– Я в порядке. Спасибо тебе! – обняла подругу. – Радик, спасибо, – махнула ему рукой и направилась к ближайшей станции метро.

Сообщение об аварии, в которую угодила Алла, переключило поток моих мыслей с собственных проблем на её неприятности. Мы с Аллой близкими подругами не были, но на работе общались. Мысли скакали с одного на другое, плюс быстрый темп ходьбы, и я немного пришла в себя, перебирая в голове что угодно, только бы не думать о себе.

Правда, не особо это получалось.

В памяти всплывали фрагменты минувшего дня. Обидные, быющие в самое сердце фразы. Вряд ли я когда-то могла забыть ту боль и унижение.

Но надо было жить дальше.

Пока шла от метро до клиники, дышала, как когда-то учили: на четыре шага вдох, затем так же выдох. Счёт балансировал ум, отвлекая от тяжёлых мыслей.

Вдох...

Выдох, выдох, выдох...

К освещённому фонариками подъезду клиники подошла на автопилоте, поэтому припаркованный прямо у входа чёрный внедорожник вовремя не увидела.

Чертыхнулась обходя.

Что за жлоб так припарковался?
Обернулась. Нет, не ошиблась. Это был Lexus.

“Это что, самая востребованная машина теперь?” – усмехнулась, вспоминая махину отчима и авто, на котором сегодня сбежала от Влада.

Уже взялась за ручку двери, но оглянулась, решив посмотреть на номер машины.

И в этот момент дверь распахнулась. От удара я едва устояла на ногах, отступая и потирая ушибленный локоть.

А из распахнутой двери стремительно вышел... тот самый мужчина. Высокий, в дорогом пальто, с тем же надменным выражением лица. Его холодный взгляд скользнул по мне. Думала, не узнал. Но нет. В глазах вспыхнуло сначала удивление, а затем – раздражение и откровенная неприязнь.

– Ты что, преследуешь меня?! – вместо “извините” хмуро бросил он. – Не советую, – процедил сквозь зубы, проходя мимо.

Пока я как рыба открывала рот, придумывая, как лучше ответить, он вальяжно уселся в водительское кресло Lexus и захлопнул дверь. Двигатель взревел. Машина, резко рванув с места, выехала за ворота клиники.

А я стояла, как вкопанная с бешено колотящимся сердцем. Только не от быстрого шага, а от возмущения.

“Жлоб! Самовлюблённый павлин!” – плескалось во мне негодование.

С чего он решил, что я преследую его?

В груди бушевало пламя, а я даже не могла его выплеснуть.

“Какие же вы все уроды! Ненавижу!” – в просвете ворот давно простыл след его машины, а я всё стояла, сжимая кулаки и пытаюсь вспомнить, где же я его видела раньше.

И тут озарение подкинуло картинку.

Чёрт!

Да это же... сын той сумасшедшей истерички, которая пару месяцев назад лечилась в нашей клинике. Она тогда облила меня какао, а потом пожаловалась заведующему, сказав, что я грубиянка! Мне тогда влетело конкретно. Едва без работы не осталась...

“Фу! – скривилась я, словно раскусила червивый плод. – Яблоко от яблони далеко не укатилось...

Оставалось только надеяться, что он сюда приходил не мать свою навещать. Не хватало только с ней сегодня возиться. Это был бы уже конкретный перебор для моей психики.

Глава 8. Ещё есть, что терять

Дверь клиники захлопнулась за мной, отсекая внешний мир вместе с грубияном на Лексусе.

Поднялась по лестнице на второй этаж и, махнув издали Людмиле Петровне, прошла в комнату отдыха. Пересменка была в самом разгаре, но я успевала переодеться и настроиться на работу.

Сменила халат, помыла руки и глубоко подышала перед зеркалом. Вид у меня был тот ещё: глаза в красных прожилках, нос припух, кожа на щеках обветрилась.

“Да уж!” – стала вспоминать, чем можно убрать это безобразие. Ведь Людмила Петровна могла подумать, что я простыла.

“Ладно, скажу, что аллергия”, – решительно нацепив маску, отправилась на пост.

В коридоре пахло знакомой смесью лекарств и больничной стерильности. Этот запах почему-то всегда действовал на меня умиротворяюще. Здесь был порядок, правила и понятные алгоритмы действий – то, чего так катастрофически не хватало в моей жизни.

Людмила Петровна, увидев меня, облегчённо вздохнула и задержалась у стойки поджидая.

– Вера, солнце ты моё, спасибо, что вышла! У меня сегодня голова кругом. Думала, Олеся вызвать, но совсем неловко звонить было. Она же выходной специально попросила, – пустилась в объяснения она.

– Людмила Петровна, всё нормально.

– Правда?

– Да. У меня на сегодня никаких планов не было. Так что с удовольствием поработаю.

– Ну ладно тогда, – выдохнула она и, собрав карты пациентов в стопку, осмотрелась. – Марина тебе сейчас всё передаст. Дежурный врач сегодня – Борис Алексеевич. Он уже в ординаторской. Если что, зови его... Спокойной вам смены, – улыбнулась мне.

– Идите домой, Людмила Петровна, и не волнуйтесь. Смена не моя, конечно, но остальное то здесь всё то же, что и обычно.

Я обрадовалась, что та не заметила, как я ужасно выгляжу. Значит, не всё так плохо. Или она без очков плохо видит?

Зато Марина только и делала, что разглядывала меня, пока я расписывалась в журнале. Даже не глядя на неё, я чувствовала цепкий взгляд на себе и с ужасом понимала, что расспросов не избежать. Поэтому ничуть не удивилась, когда та с сочувствующим видом начала выпрашивать, что у меня стряслось.

“Вот уж нет, дорогая!” – мне хватило того, что поделилась с ней всего раз своими переживаниями, когда с Владом в августе была размолвка. Потом ко мне несколько человек ходили с советами.

– Марина, отстань! Я маску купила для лица и не проверила состав. Нанесла сегодня, и вот... Аллергия. Не было цитрина под рукой. Сейчас приму таблетку, и всё пройдет, – постаралась говорить убедительно.

– А-а, – поджала губы она и, посмотрев на часы, заторопилась. – В шестой палате сегодня дыячку привезли, – сообщила, передавая мне его карту. – Карпов Михаил Семёнович. Борис Алексеевич просил последить за ним: давление измерь через час и ночью. Если выше ста пятидесяти будет – зови его. И Харитонов из пятой, жаловался на головокружение. На завтра КТ назначили. Но мало ли... Имей в виду.

– Хорошо, – я на автомате записала в блокнот. – Иди. Разберусь сама.

Выпроводив Марину, села просматривать журнал с назначениями.

И тут по коридору размашисто, с видом хозяина мира, пронёсся наш заведующий.

“А он-то, чего здесь?” – с недоумением посмотрела на часы. Лев Александрович никогда так не задерживался в клинике.

“Если только кто-то задержал его?”

Лицо Березина было мрачнее тучи. Он даже не поздоровался. Прошёл, бубня что-то себе под нос. Почему-то всплыл в памяти владелец чёрного Лексуса.

“Не он ли накрутил нашего Льва? Мать, что ли, его снова сюда поступила? Но Марина предупредила бы наверно”, – теряясь в догадках, я щёлкнула мышкой, открывая в компьютере списки пациентов.

Березин, заглянув в ординаторскую, что-то спросил у Бориса и уже летел обратно.

Обычно, когда он был на взводе, ему не следовало попадаться на глаза. Всегда находил к чему прицепиться.

Я пригнулась. Напороться на его замечания мне не хотелось.

И в этот момент в кармане у меня запиликал телефон.

“Чёрт! – сердце провалилось в пятки. – Как же я забыла отключить звук?!”

В панике выхватила гаджет из кармана, собираясь выключить, но умудрилась задеть зелёный значок.

– Алло! Клёпа... Эй, сделайте тише! – в тишине коридора раскатистый голос отчима был слышен даже на расстоянии. И не только он. Из трубки доносилась музыка и шумы голосов. – Алё!...

– Я на работе! – возмущённо прошипела в трубку я.

Сбросив, наконец, вызов, подняла голову, понимая, что остаться незамеченной у меня не получилось.

– Клепикова! – Лев Александрович нависал надо мной. – Это что ещё за цирк? – его фигура казалась огромной и грозной. Я застыла, чувствуя, как кровь отливает от лица.

– Простите...

– Я что, на последнем собрании неясно выразился? – заорал он, не слушая мой лепет. – Никаких личных разговоров на работе! Всё личное оставляем за дверьми клиники! У нас лечебное учреждение, а не базарная площадь!...

Он так кричал, что я очнулась озираясь.

Некоторые пациенты могли уже уснуть. И вообще, где служебная этика?!

Накопленные за день обиды я тщательно задвинула подальше, но теперь они подобно весеннему половодью полились через край.

– Лев Александрович! Это вы сейчас кричите и не думаете о пациентах. Не я! – подняла я на него глаза, и голос мой, к моему удивлению, прозвучал дерзко и несколько язвительно.

Березин опешил на секунду. Он явно не ожидал от меня такой реакции. Затем его лицо начало багроветь. Он медленно снял очки и посмотрел на меня тяжёлым, не сулящим ничего хорошего взглядом.

– Клепикова, пройдите ко мне в кабинет, – отчеканил он. – Сию же минуту! Не дожидаясь ответа, развернулся и пошёл к себе.

“Блиин! – беззвучно простонала я, берясь за голову. – Кажется, Верочка, ты осталась не только без квартиры и мужа... Видимо, работу тебе тоже придётся искать”, – подумала с тоской.

С трудом поднялась. Ноги отказывались идти.

Злополучный телефон стала убирать в карман, но услышала грохот. Сообразила, что уронила.

“Да что же это такое-то?!” – подняв с пола, покрутила в руках. Стекло треснуло. Оставалось только молиться, чтобы работал.

Посмотрела на часы. До полуночи оставалось полтора часа.

Для полного аута я вполне успевала ещё сегодня, остаться без работы.

Я храбрилась, но на самом деле меня трясло. Ведь терять мне, похоже, уже было нечего. А когда терять нечего – становишься свободным и смелым.

Эта мысль вызвала горький смешок, ведь я всегда хотела стать смелее, увереннее в себе.

“Жаль только, что никто не слышал, как я Березину ответила, – вздохнула, подходя к его кабинету. – Уволит? Ну и хрен с ним. Умолять не стану! Не одна эта больница в городе. Найду я работу”, – подбадривала себя, прежде чем войти, хотя прекрасно понимала, что такую зарплату, как здесь, я вряд ли могла найти в другом месте.

Глава 9. Или-или...

Я чувствовала себя школьницей, входящей в кабинет директора. Пока шла, проговаривала про себя, что скажу и что отвечу. Но едва переступила порог, все слова и мысли словно спрятались. В голове было гулко и пусто.

Березин восседал за массивным столом в таком же внушительном по размерам кожаном кресле с видом судьи. Чёрной мантии только и молотка ему не хватало для вынесения приговора. Глухо барабанил пальцами по дубовой столешнице, он смотрел не на меня, а в окно, за которым уже давно стемнело. Я попыталась вдохнуть глубже, чтобы успокоиться, но воздух показался густым и тяжёлым, словно перед грозой.

– Садитесь, Клепикова, – бросил он через плечо, всё ещё не глядя в мою сторону.

Всё во мне непроизвольно сжалось. Вид его не предвещал ничего хорошего.

Я молча опустилась на край кресла по другую сторону его стола и сомкнула руки на коленях, чтобы он не видел, как они дрожат. Внутри всё кипело. Да, я нарушила правило, но разве его истеричный крик в коридоре был уместнее?

– Ну что? – он, наконец, повернулся ко мне. Взгляд был холодным и острым, как скальпель. – Объясните мне, с какого перепугу мои сотрудники позволяют себе хамить руководству? М-м?! Или вы возомнили себя незаменимой? – в интонации прозвучала угроза.

– Лев Александрович, я не хамила, – мой голос дрожал, но я не собиралась молчать. Хватит! Слишком долго я боялась говорить то, что думаю... – Я просто... указала на то, что вы кричите на весь этаж, – я специально, пока говорила, смотрела в пол, чтобы не сбиться.

– Молчать! – он ударил ладонью по столу, и я, вздрогнув, с ужасом уставилась на него. – Я вас не спрашиваю! Вы будете говорить, когда я скажу! Понятно?

Я кивнула, стиснув зубы.

– Вы у меня тут слишком много себе позволяете. Слишком много! – он поднялся и начал медленно прохаживаться по кабинету за моей спиной. Это было неприятно. Не крутиться же мне, чтобы смотреть на него.

– То жалобы на вас!

Я закатила глаза, вспоминая, когда могла накосячить.

– Да, да... Жалобы! – проговорил глухо за моей спиной. – Радмила Модестовна Аверина в августе жаловалась на вас. Помните?

Я дёрнула плечом. Конечно, я помнила. Разве такое забудешь?

– Облила вас, вы тогда сказали? А, по-моему, вы сами спровоцировали тот конфликт! Потом этот ваш личный театр с телефонными звонками прямо на посту! А сегодня – откровенное хамство!

Он прошёлся снова, и его голос зазвучал прямо у меня над ухом.

– И это я ещё не вспомнил про ваше вопиющее разгильдяйство весной! Помните? Как вы едва не угробили пациента, введя одновременно два препарата, которые не стыкуются между собой?

Внутри меня всё оборвалось. Это было подло. Березин наступил на самый больной мой косяк за всю мою практику.

– Это была не моя ошибка! – вырвалось у меня, хотя я обещала себе молчать. – Назначение делал дежурный врач Распутин! Я лишь выполнила его указание!...

Березин резко остановился передо мной и, уперев руки в стол, приблизил своё побагровевшее лицо к моему.

– Он за свою халатность поплатился. Его уволили. А вот вы, Клепикова, так и не вынесли урок из моей доброты к вам, – прошипел он. – Мне не нужны узколобые работники! У вас есть медицинское образование? Есть! Значит, вы должны были понимать, что те два препарата не сочетаются! Ваша обязанность – думать! А вы что сделали? Слепо, как робот, выполнили идиотское назначение! Один врач одно прописал, другой, не перепроверил, назначил другое, а третья тупо ввела гремучую смесь больному! Вы сделали инъекцию?... – переспросил зачем-то и сам же ответил. – Вы. И нечего на других кивать! За свои косяки надо уметь самой отвечать.

От его слов стало душно.

Да, я чувствовала свою вину. Я тогда усомнилась, подошла к Распутину переспросить. Но он, разговаривая с кем-то по телефону, поэтому раздражённо отмахнулся: “Назначено? Выполняй! Твоё дело – исполнять, а не умничать”.

Он так уверенно говорил, что я решила, что сама что-то путаю. Сделала уколы. Но сомнения продолжали мучить, и я решила всё же перепроверить. Нашла справочник – и ужаснулась. Кинулась обратно к больному... Тот уже тяжело дышал, начинался отёк. Я сразу же подняла тревогу: позвонила Березину. Пациента откачали. Распутину уволили. А мне вкатили выговор и оставили.

Тот случай больше не вспоминали при мне. И вот, именно сейчас он всплыл повторно.

Я сидела, опустив голову, и молчала. Что я могла сказать? Я думала, что из той ситуации вынесла хороший урок: слепо доверять никому нельзя.

Но по тому, в какой заднице я оказалась сегодня, наступать на грабли – моё всё. Как бы я ни думала, я продолжала доверять людям.

Эх...

Он был прав – я должна была перепроверить, прежде чем делать инъекции тогда. Должна была перестраховаться и сейчас, а не вестись на уговоры Влада.

Березин, увидев мою подавленность, немного остыл и, усевшись в кресло, смерил меня задумчивым взглядом.

– В общем, так, Клепикова, я подумал, что ваше дальнейшее пребывание здесь... нецелесообразно.

Сердце упало: “Всё! Приплыли...”

– Но, – он сделал театральную паузу, – я человек милосердный и дам вам шанс исправиться.

Я с надеждой посмотрела на него.

– С завтрашнего дня вы по моему личному распоряжению отправляетесь на патронажную работу. К одной нашей... сложной пациентке. Требуется сиделка с проживанием.

В голове сразу застучало: “К кому?”

Мысленно перебирая списки постоянных пациентов, задумалась. Сложных пациентов набралось немерено.

– Сложная... Это вы про характер или она тяжело больна? – спросила осторожно, чтобы не вызвать новую волну его раздражения.

– Эм... – покусал ус. – И то и другое.

Мне показалось, или Березин что-то скрывал от меня?

Вспомнила про мужчину, с которым столкнулась в дверях клиники, и в голове сигнальной лампочкой замигало: “Аверина. Радмила Модестовна”.

Неужели она?!

“Да ну! Нет, не может быть...” – отмахнулась я. Не может же снаряд дважды в одну воронку...

Но интуиция подсказывала что может.

– Я... я не согласна, – выдохнула я, решив отказаться, пока не поздно. – Я медсестра, а не сиделка. И... у меня смена.

– Ваше согласие и не требуется! – вдруг отрезал он. – Это не предложение, Клепикова, а приказ. Либо вы едете туда, либо я увольняю вас за халатность, непрофессионализм и грубое нарушение трудовой дисциплины. И не надейтесь, что устроитесь куда-то ещё, – добавил, сверкая очками. – Я вам дам такую характеристику, что вас не то что медсестрой, санитаркой не примут. Вы поняли меня? – его глаза не обещали ничего хорошего. – Хватит мне уже с вами возиться! Не хотите по-хорошему, будет вам по плохому! – он открыл ящик стола и, выудив из него папку с документами, открыл её. – Ну?! Так что?

Угроза прозвучала настолько убедительно, что мурашки побежали по коже. Он не блефовал. Он мог это сделать.

– Но в моём договоре...

– В вашем договоре, – перебил он меня, – чёрным по белому прописан пункт о том, что в особых случаях сотрудник может быть направлен на патронажное обслуживание пациентов. Так что всё законно.

Я обречённо замолчала. Ловушка захлопнулась.

– Я не понимаю, Клепикова, почему вы так переживаете? – в его голосе прозвучали отеческие нотки. – Работа с проживанием и питанием. И... тройной почасовой тариф поверх вашего жалования в клинике. Оплачиваться будет каждый час, проведённый в доме пациентки. Решайте же! Вы можете неплохо заработать.

С проживанием... Эти слова прозвучали как спасательный круг. У меня не было дома. Не было денег. А здесь – крыша над головой и деньги, очень хорошие деньги. Да, это не будет просто. Но будь там легко, нашлись бы и без меня желающие...

– Простите, – кашлянула я, сглатывая комок в горле. – Скажите, пожалуйста, фамилию пациентки. И... Как долго мне придётся работать у неё?

– Сколько придётся?! – усмехнулся он, заметно выдохнув. – Кто знает, сколько она вас вытерпит? Час, день? Но имейте в виду, пациент у нас всегда прав! Так что не воображайте себе, что старушка разгневется, заплатит сполна и прогонит вас. А я приму обратно. Нет, Клепикова. Если будете ей дерзить, как мне, останетесь без работы и без повышенного гонорара... Считайте, что это испытательный срок для вас! И молитесь богу, чтобы женщина осталась вами довольна.

Распаясь, он так и не назвал фамилию пациентки. А я не решилась переспрашивать.

Какая разница? Он ясно дал понять, что от меня требуется, и предупредил, что будет непросто.

Что ж. Я не привыкла убегать от трудностей.

Что поменяется оттого, кто она? В клинику пациенты через одного попадали непростые, и к ним всегда приходилось искать подход. Так, что менялось теперь? Сложных характеров я насмотрелась за свою жизнь множество, но молчала же раньше. Ничего не случится, если побуду немой ещё несколько дней. Богатые люди хорошо считают свои деньги. Вряд ли станут платить за ненужность. Значит, задержусь там недолго...

Зато у меня будет возможность подыскать жильё и заработать на него.

– Ну, так что? – прервал мои размышления Березин. – Решайте. Или-или.

Я сделала глубокий вдох, глядя на свои издавшие виды потрёпанные туфли. Выбора у меня не было. Совсем.

– Хорошо, – тихо сказала я. – Я согласна.

– Вот и умница, – в его голосе прозвучало удовлетворение. – Завтра после смены зайдите ко мне. Подготовлю договор и устные рекомендации.

– Лев Александрович, а когда приступать? – испугалась я.

– Так, сразу и приступать, – пожал плечами. – По идее вас уже сегодня там ждут. Ну, да ладно. Не могу же я отделение без медсестры оставить, – вздохнул он.

– Но... Я вряд ли смогу завтра после ночного дежурства быть адекватной. Мне же необходимо поспать.

– Вот и поспите! Борис Николаевич с часу до пяти подежурит за вас на посту, а вы в процедурной на кушетке поспите. Вы молодая. Вполне успеете отдохнуть, – проговорил миролюбиво. – А теперь идите, – устало махнул рукой. – Мне тоже пора...

Вышла из его кабинета с абсолютным хаосом в голове. С одной стороны – проживание, питание и тройная оплата. Это был шанс для меня. С другой – Березин так и не сказал, у кого предстояло работать. И это напрягало.

“Ладно! Ради таких денег я готова поработать сиделкой даже у той сварливой заразы, которая меня облила какао! – подумала решительно, но на всякий случай сплюнула, надеясь, что худшее из зол не случится.

Глава 10. Худшее сбылось

Утро после ночного дежурства прошло в лихорадочной суете. Березина я, конечно же, не застала – он срочно уехал по делам. Вместо него меня поджидала старшая медсестра Людмила Петровна с уже готовым к подписи договором. Она молча протянула мне документ и ручку, избегая взгляда. Я бегло пробежалась глазами по пунктам – всё совпадало с тем, что говорил Березин: тройной оклад, проживание, питание. Подписала, чувствуя себя так, будто продаю душу дьяволу. Людмила Петровна забрала один экземпляр, сунула мне в руки другой и, уже отворачиваясь, бросила:

– Он просил не опаздывать. Вас ждут к двенадцати.

– Людмила Петровна, вы-то знаете, кто это? А то Березин вчера был настолько зол, что я так и не добила от него, к кому еду работать.

– Не знаю, Верочка, – тряхнула плечами та. – Мне тоже сегодня прилетело от него, что с кадрами, видите ли, проблема. А я что? – обиженно поджала губы. – Сотрудник эйчар, что ли? Сама знаешь, когда все работают, то даже при желании дополнительных смен нет. А тут, как нарочно... Кто в отпуске, кто с травмой... Я что, Господь, бог, что ли?

Людмиле Петровне было явно не до меня.

– Странно, – пробормотала я, разглядывая договор и скомканный листок с адресом, который Людмила Петровна вручила мне уже на бегу.

– А карта пациентки где? – крикнула вдогонку.

– У неё на руках, он сказал. Ты поезжай туда. Там тебе всё скажут и покажут...

Адрес оказался в пригороде. Едва успела на электричку, потом на автобус, с автобуса – бегом по незнакомым улицам, с тяжёлой сумкой наперевес. Сердце колотилось где-то в горле. Наконец, я упёрлась взглядом в кованые цифры на кирпичном столбе. Тот самый адрес.

Передо мной возвышалась добротная кованая ограда, увитая багровеющим плющом. За ней угадывался огромный участок. Подошла к калитке и нажала кнопку домофона. Голос из трубки буркнул что-то неразборчивое, щёлкнул замок, и калитка отъехала в сторону.

Первое, что бросилось в глаза – это сам особняк. Солидный, из красного кирпича, с высокими окнами и остроконечной крышей. Вокруг расстился ухоженный сад, золотая осень вовсю хозяйничала здесь, окрашивая листву в огненные цвета. Дорожки были идеально чистыми. Воздух пах прелой листвой и спокойствием, которое в городе было недоступно.

Но насладиться красотами мне не дали. Из небольшого домика у ворот вышел сурового вида мужчина в форме охраны.

– Документы, – коротко бросил он. Я протянула паспорт и договор. Он дотошно изучил их, сверяя фотографию с моим лицом, затем кивнул, чтобы вошла. Там он забрал у меня сумку и начал бесцеремонно рыться в вещах.

Мне стало не по себе.

– А это обязательно надо?! – щёки полыхнули огнём, когда он вытащил из пакетика кружевной гарнитур.

– Я тебя уколы делать не учу, – буркнул он. – Вот и ты, не лезь, куда не просят.

– Нет, я понимаю, конечно! Но вы же видите, что оружия в сумке нет!

– Оружия нет? – усмехнулся он и смерил меня странным взглядом. – Ладно. Иди тогда за мной.

– Дурдом какой-то... – проворчала я.

Было ощущение, что попала на режимный объект, откуда просто так не выйдешь. Мурашки пробежали по спине.

“Кто здесь живёт, если нужны такие меры?” – подумала в недоумении, убирая документы обратно в сумочку.

Мужчина шёл по выложенной каменной плиткой дорожке не оглядываясь. Я покорно плелась за ним, сжимая ручку закинутой за спину сумки.

Красивое парадное осталось в стороне, а мы, огибая дом, прошли во внутренний дворик. Я невольно крутила головой, разглядывая подстриженные кусты, беседку, увитую девичьим виноградом. Чуть в стороне от неё располагалась детская площадка с лесенками, горкой и качелями. На них раскачивалась девочка лет пяти. Она внимательно следила за нами, а затем окликнула сидевшую на скамейке с телефоном в руках девушку:

– Софа! А это кто?! – указала на меня.

Что ей ответила девушка, я не услышала.

Её взгляд скользнул по мне без особого интереса, но мне показалось, что она не особо рада.

– Здравствуйте, – кивнула я ей, но девушка уже уткнулась обратно в экран телефона.

Было интересно узнать, кто это, но охранник шёл впереди, словно воды в рот набрал.

Мы поднялись на невысокое крыльцо, и мужчина распахнул массивную дверь, пропуская меня. Внутри нас встретила женщина средних лет в строгом, но идеально скроенном тёмном костюме, а не в фартуке.

– Это новая сиделка, Лидия Михайловна, – представил меня охранник.

– Здравствуйте. Меня Вера зовут. – выдавила я из себя улыбку, пытаюсь “подружиться” хотя бы с ней. Но женщина осталась невозмутимой.

– Проходите, Вера, – кивком пригласила следовать за ней.

“Что за сборище истуканов?” – вздохнула я озираясь.

Я чувствовала себя лишней и неуместной в этом просторном холле с высокими потолками и огромными окнами.

– Меня зовут Лидия Михайловна, я экономка, – проговорила женщина, когда мы свернули в коридор. – Вот, ваша комната, – распахнула она одну из дверей. – Оставьте вещи и следуйте за мной. Хозяйка уже спрашивала о вас.

Мы поднялись по лестнице с хромированными поручнями и ступенями из матового стекла с подсветкой на второй этаж. Интерьер здесь был выдержан в той же современной эстетике: стены отделаны натуральным камнем холодных оттенков. Показалось, что нас сопровождает медитативная музыка, лившаяся непонятно откуда.

Из одной из дверей навстречу нам вышел молодой человек лет тридцати в дорогом, но небрежно надетом спортивном костюме. В глаза бросились татуировки: какая-то надпись на шее и узор на предплечье. Он остановился, упёршись руками в косяк, и окинул меня таким

наглым, похотливым взглядом, что я вся съёжилась. Глаза парня, смеющиеся и бесцеремонно изучали меня с ног до головы.

– Лидия, а это что за морковку ты ведёшь на съедение к маман? – развязно спросил он, ехидно ухмыляясь. Я стиснула зубы, глядя в пол.

– Максим Ильясевич, ваш каламбур сейчас неуместен, – проговорила женщина строго. – Проходите, Вера, – подтолкнула меня.

– Ох, ты ж! – хохотнул парень, но отодвинулся, пропуская нас.

Пока шли, я чувствовала его взгляд.

“Что за тип? – меня передёрнуло. К сложной пациентке прилагался, как оказалось, хамоватый её родственник. Сталкиваться ещё и с ним здесь изо дня в день мне совсем не улыбалось. – Интересно, а если я прямо сейчас передумаю, то что?”

Внутри всё кипело от злости и унижения. И в первую очередь – на себя. Березин, похоже, специально всё подстроил и взял меня на понт. А я и повелась. Зачем подписала этот дурацкий договор?

Люди мне здесь совсем не нравились, а мне предстояло с ними некоторое время контактировать бок о бок. И это ещё я не познакомилась с пациенткой.

В животе что-то неприятно прокрутилось, не предвещающая от встречи ничего хорошего.

Из всех здесь только девочка на качелях показалась лучиком света. Она мне чем-то напомнила меня саму в детстве. Хотя и её открытость могла оказаться обманчивой. Вряд ли избалованное вниманием и роскошью дитя могло остаться неиспорченным в этом доме.

И вот, в конце коридора, мы остановились возле двери. Но это была не скрытая панель, как везде, а массивная, с резной ручкой из старого дерева...

Я с недоумением уставилась на неё. Она настолько отличалась по стилю, что больше смахивала на портал в другой мир.

– Подождите здесь, – сказала Лидия Михайловна и скрылась за створкой. Я осталась одна в полумраке коридора, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Через минуту дверь распахнулась. – Проходите. Вас ждут.

Я переступила порог и застыла, охваченная паникой. Затем инстинктивно сделала шаг назад, но экономка мягко, но настойчиво подтолкнула меня вперёд. – Ну, что же вы? Радмила Модестовна не кусается...

Её шёпот показался зловещим.

Но я и без этого понимала, что мои худшие ожидания сбылись.

В вольтеровском кресле возле окна сидела высокая худая женщина с пронзительным, холодным взглядом и надменно поджатыми губами...

Это была она! Радмила Модестовна Аверина.

Снаряд всё же угодил в одну воронку дважды...

Глава 11. В доме Авериных

Атмосфера в комнате Радмилы Модестовны была ледяным склепом. Каждый день превращался в тонкую попытку острым лезвием её иронии. А сегодня её любимым клинком для удара были мои “беспомощность и непрофессионализм”.

– Вера! – её голос, резкий и требовательный, пронзил тишину, заставив меня вздрогнуть.
– Вы где там застряли? Специально тянете резину, чтобы свести меня в могилу?...

Я стояла в кухне, больше похожей на панель управления звездолётом: матовые глянцевые поверхности, встроенная техника, сенсорные панели и хромированные акценты. Я изо всех сил спешила, расставляя на подносе флаконы и мензурки, но кофе был ещё не готов. Её утренний ритуал, который она обожала растягивать на полчаса, придираясь к температуре: стакан тёплой воды, горсть таблеток в пластиковом стаканчике, пузырёк с вязким сиропом от кашля и чашечка ароматного крепкого кофе...

Услышав крик, я проворно водрузила кофе на поднос и рванула из кухни. Руки были заняты, мысли метались. Я мчалась по длинному, минималистичному коридору, где за матовыми панелями скрывалась вся умная начинка дома, а свет исходил от скрытых светодиодных лент. Я не видела ничего перед собой, кроме цели – зловещей двери в её апартаменты.

И тут из ниши, где стояла абстрактная скульптура из светящегося акрила, появился Макс. Он ловко и бесцеремонно перегородил мне путь, уперев руки в косяки дверного проёма.

– Куда так спешишь, Искорка? – его голос был сладким, как патока, а губы растянулись в похотливой ухмылке.

– Максим, отойди! – прошипела я, пытаюсь увернуться. – Меня ждут!

– Пусть подождут, – проговорил он и... неожиданно потянул за собой, отступая в распахнутую дверь комнаты.

– Ты идиот?! – балансируя, чтобы ничего не уронить из подноса, и часто перебирая ногами, чтобы не рухнуть, я по инерции влетела за ним. Дверь мягко захлопнулась, перекрывая мне путь к отступлению.

Макс проворно шагнул мне навстречу и прижал к стене.

– Поставь поднос, – опалил ухо жарким шёпотом, нависая надо мной. – Он нам мешает...

– Нам?! – раздувая ноздри, я шумно выдохнула. – А ну,пусти! – взвизгнула, чувствуя, как его ладони стискивают мою талию.

– Тш... Зачем шумишь? – в глазах парня загорелся опасный огонёк. – Маман шалав не терпит, Искорка. Так что, лучше молчи, и... Получай удовольствие.

В этот момент я почувствовала не просто раздражение, а животный ужас и ярость. Прижимая поднос к груди, я что есть силы, ударила пяткой туда, где по моим расчётам была его стопа.

По тому, как Макс взвыл, отпуская меня, поняла, что каблук туфли попал туда, куда надо. Не теряя времени, я пнула дверь и выскочила в коридор... Но! Там я налетела на что-то твёрдое и дорогое, судя по запаху парфюма. Раздался звон разбитой посуды. Горячая жидкость обожгла мне руку и выплеснулась на белоснежную рубашку мужчины. Я словно в фильме ужасов, вросла в пол, наблюдая, как на безупречную ткань его дорогого костюма стекает коричневая жидкость.

– Ой! – непроизвольно зажмурилась, вжимая голову в плечи и закрывая лицо ладонями. Мне в детстве казалось, что если я ничего не вижу, то и меня – тоже не видят. Со временем поняла, что это не так, но привычка прятать лицо, когда страшно – осталась.

Эх, сейчас я бы много отдала, чтобы внезапно телепортироваться. Ведь передо мной снова стоял тот самый злополучный владелец Lexus... в глазах которого я очередной раз выглядела идиоткой.

– Чёрт! – взревел он. – Ты?!...

– ... – нервно сглотнула, открывая глаза. Но что я могла сказать ему? Он ведь и не спрашивал ничего. Он уже сделал все выводы.

– О, Леонард пожаловал в родные пенаты! Привет, брателло! – Макс, как ни в чём не бывало, протянул ему руку. – Ты чуток не вовремя, прости!...

– А тебе, Максим, как вижу, до сих пор не наскучило одно и то же? – фыркнул тот, сделав вид, что не заметил протянутую ему руку. Он в это время надменно разглядывал мой форменный халат медсестры.

Почувствовав себя зверьком в зоопарке, я сжала липкие от сиропа ладони в кулаки и с вызовом посмотрела в его холодные серые глаза. Хотелось показать свою независимость, но щёки совсем некстати заполыхали так, словно во мне запалили факел.

Он ничего не говорил, но я и без слов видела то, что он думал сейчас обо мне: “Я знаю, зачем ты здесь. И твои уловки мне отвратительны”.

Боже, какой позор!

– Нет, брат! Куда же деться от любви! – куражился Макс, а мне хотелось его придушить... Но в целом меня возмущал не столько стёб распоясавшегося мажора, сколько ледяное презрение его брата.

Кажется, он считал меня одной из утех Макса.

“Или?”

Меня охватил ужас. Он мог подумать, что я здесь из-за него... Он же ясно выразился на крыльце клиники, чтобы я перестала преследовать его. А теперь... Он застал меня у себя дома.

Пока я тупила, Макс, видимо, решил перед братом обозначить свои права на меня:

– До, вечера, Искорка! – оббив мою талию рукой, на мгновение прижал к себе, – Не забудь прихватить масло для массажа...

Что-то во мне перещёлкнуло, и вместо стыда на меня накатила волна дикой ярости. Я всё ещё сжимала в руках облитый кофе и сиропом поднос. Не раздумывая, на чистейшем адреналине, я развернулась и с размаху огрела этим подносом Макса по голове.

Звяк разнёсся по коридору.

– Вс-с!... – взвыл тот, хватаясь за макушку. – Ты что, очумела?! Шуток не понимаешь?!

– Ещё раз пошутишь – подсыплю в ужин Дюфалак. Сутки с горшка не сойдёшь, козёл!
– прошипела я, испепеляя парня ненавидящим взглядом.

После этого, в наступившей тишине я подхватила с пола уцелевшие склянки и рванула по лестнице вниз.

– Горячая штучка! – услышала за спиной восторженный голос Макса. – Ну, всё! Теперь точно...

Его бравату прервал строгий баритон Леонарда. Правда, что именно он сказал брату, я уже не расслышала.

Глава 12. Детали договора

Влетела в свою комнату и, захлопнув дверь, прислонилась к ней спиной. Дыхание сбилось, сердце колотилось где-то в горле, а горячая кровь вибрировала даже в самых бесчувственных местах.

Что меня так взбудоражило?

Наглые выходки мажора, или ледяное презрение его брата?

“Ну и семейка! – закусила губу, вспоминая, сколько дней я уже в этом доме. – Кажется, пора отсюда сваливать”.

– Вера, – в дверь требовательно постучали. – Вы здесь?

– Да, Лидия Михайловна! – медленно выдохнув,пустила её.

– Вера, что там стряслось? Радмила Модестовна в ярости оттого, что уже полчаса ждёт свой кофе. Вы... Уронили поднос?

– Да! – меня вновь окатило волной ярости. – Простите, Лидия Михайловна, но я по договору сиделка, а не служанка! Я должна оказывать медицинскую помощь больной, а не потакать её капризам!

– Бог с вами, Вера, – её лицо вытянулось. – За те деньги, которые вам обещаны по тому самому договору, вы не должны покидать комнату своей пациентки ни на минуту. А она к вам и без того слишком добра. Вызывает, только когда нуждается в помощи. Не понимаю... – она поджала губы. – Будь у меня медицинское образование, мы бы никогда не стали нанимать сиделку. Сама бы я справилась. За такие-то деньги... – осуждающе покачала головой. – Вы на своей работе разве не ухаживаете за больными? – в её взгляде читался укор. – Но, думаю, вы там и за полгода не заработаете столько, сколько здесь за месяц-полтора.

– Месяц-полтора?! – пролепетала я в ужасе.

– Да. В договоре же прописана дата перезаключения договора... – вскинула бровь она, словно пыталась разглядеть меня получше.

– Я... Не видела...

– Ну не знаю! А как же вы подписывали? Не читая?!

– Читала вроде, – засомневалась, вспоминая, что была сильно расстроена. – Но тогда я же могу сейчас расторгнуть договор? Думаю, на моё место найдётся много желающих. “За такие-то деньги”... – не удержалась я от сарказма.

– Можете, конечно, – Лидия Михайловна пожала плечами.

Я успела облегчённо выдохнуть.

“Бог с ним, с Березиным. Не станет же он во все больницы мою характеристику рассылать”, – подумала с надеждой.

– Можете, – повторила она.

Мне показалось, или на её губах промелькнула усмешка?

– Только напомню, в нём прописано, что при расторжении договора по вашей инициативе, вы не только лишаетесь вознаграждения за отработанное время, но и обязуетесь выплатить моральный ущерб пациентке в сумме...

– Какой моральный ущерб?! – на миг показалось, что мне это всё снится. Я даже ущипнула себя, но ничего не произошло. – Лидия Михайловна, вы что-то путаете. Я читала договор. Там ничего подобного не было.

– Все четыре страницы? – она смотрела на меня с откровенным недоумением.

– Какие четыре? Там был один лист! Его я прочитала, – я едва не брякнула, что просмотрела по диагонали, – там ничего такого не было.

– Простите, но у меня два листа, то есть четыре страницы, подписанных вами, – проговорила она сдержанно.

Мне было впору схватиться за голову.

“Ну, Березин! Ну... – я не успела выбрать, каким способом бы с удовольствием лишила его жизни, потому что телефон в кармане завибрировал, но, к сожалению, после того как я его уронила, трещины на стекле не позволяли видеть, кто звонит.

– Простите, – показала женщине знаком, что должна ответить.

– Алло.

– Клёпа! Какого чёрта происходит? – оглушил меня разъярённый голос отчима. – Я что, мальчик бегать за тобой? Чего трубку не берёшь?

– Телефон сломан, – буркнула я, понимая, что объяснять ему сейчас что-то бесполезно. – И... я не могу сейчас говорить. Позвоните, пожалуйста, после десяти.

– Клёпа! Ты там совсем берега попутала? – гаркнул он. – Ты, между прочим, меня сама попросила... Я тут договариваюсь, людей подключаю, а ты что?! Обратную включить решила?!

Я покосилась на Лидию Михайловну, застывшую возле двери. По её побледневшему лицу поняла, что и она слышит, как тот кричит на меня.

– Не выйдет, Клёпа! Обратного пути нет! – добавил он угрожающе. – Люди, с которыми я договаривался, не привыкли шутить. Так что, не тани резину! Давай, оформляй доверенность и занимайся потом своей работой сколько влезет.

– Валерий Романович, сегодня я по-любому ничего подписать не смогу. Я... На работе. Я узнаю, когда смогу отлучиться, и вам вечером сообщу.

– Ты что там, круглосуточно в клинике своей сидишь? – усмехнулся он успокаиваясь.

– Почти, – снова покосилась я на Лидию Михайловну, которая продолжала бесцеремонно слушать наш разговор. – И, если хотите, чтобы я точно взяла трубку, позвоните мне сегодня в десять, – добавила, поспешно сбрасывая вызов.

– Простите, – подняла взгляд на экономку, вспоминая, на чём прервался наш с ней разговор.

– Ну, что, Вера, кофе Радмиле Модестовне вы отнесёте? Или, что мне ей сказать? – вернула она меня в реальность.

– Отнесу, – поджала губы я. – А вы... Можно мне почитать ваш экземпляр того договора?

– Конечно! У меня есть копия. Я принесу её вам.

– Спасибо. Скажите Радмиле Модестовне, что её кофе... В силу обстоятельств... Будет готов через десять минут.

Я диву давалась своему спокойствию. Меня уже не пугала встреча с разъярённой Радмилой Модестовной. Почему-то её придирки теперь казались своеобразной потребностью во внимании, а не ненавистью лично ко мне. А это значило, если настроиться, то вполне возможно было на многое закрыть глаза и уши.

А вот выходки Макса волновали меня сейчас больше. Как парню отбить охоту, преследовать меня?

И ещё...

Я бы почувствовала себя в разы лучше, если бы его братец исчез из этого ненавистного дома и больше в нём не появлялся, хотя бы до тех пор, пока я здесь.

Другие обитатели дома тоже вызывали во мне раздражение. Но он выбешивал в разы сильнее.

Хотя нет! Не все здесь были неприятными...

Лучиком света в этом доме, была Маргаритка, милое создание лет пяти. Правда, мне за всё время всего несколько раз удалось пообщаться с ней. Няня девочки, София, едва видела, что малышка приближается ко мне, сразу уводила её под предлогом каких-либо занятий. В чём причина такого странного ко мне отношения со стороны Софии, я не могла понять.

Комната девушки была рядом с моей. Мы могли, если не подружиться, то хотя бы общаться с ней. Но нет. Она только здоровалась, и то сквозь зубы.

Глава 13. Прошло несколько дней

Вечерние процедуры с Радмилой Модестовной проходили в привычном напряжённом молчании. Я налила в ладони разогревающий лосьон с ароматом камфоры и мяты и начала массировать твёрдые как камень её плечи. Мышцы женщины упрямо хранили накопленный за день гнев. Но я упорно разминала их изо дня в день, надеясь убрать этот панцирь напряжения. Она тихо постанывала, и это был единственный звук, означавший одобрение.

После массажа я заварила для неё вечерний травяной чай – смесь ромашки, мелиссы и немного шиповника, точно выдерживая температуру воды, как она любила. Подала чашку на блюдце без единого звука.

– Всё, Радмила Модестовна. Спокойной ночи, – проговорила тихо, направляясь к двери.

– Пойдите, – её голос в тишине прозвучал неожиданно резко, но без привычной стали. – Посидите ещё со мной. Я который уже день не засыпаю вовремя. И читать не могу – свет режет глаза. Почитайте мне вслух.

Впервые за всё время нашего с ней общения, Радмила Модестовна своё желание заапо-вала в просьбу, а не в приказ. Это был прогресс.

Спрятав улыбку, я вернулась в комнату.

– Возьмите вон ту книгу с торшера, – она мотнула головой в сторону пухлого фолианта в кожаном переплёте.

Книга оказалась неожиданно тяжёлой. Взяв её неловко, не удержала. Том с глухим стуком шлёпнулся на ковёр, и из него, словно бабочка, выпорхнула шелковистая закладка.

– Растяпа! – взвизгнула Радмила Модестовна, вмиг вернув себе былую ярость. – У вас что вместо рук? Это же первое издание!... Как можно с книгами так обращаться? – орала она. – Теперь я вечность буду искать, где читала! – спустив на меня пар, проговорила в отчаянии.

– Простите, – пробормотала я, поднимая книгу. – На чём вы остановились?

Она фыркнула, и в этом звуке было столько высокомерия, что стало душно.

– Вы, молодёжь, разве читаете что-то, кроме постов в своих соцсетях? Вам же это ничего не скажет. Это “Неудовлетворённость культурой” Фрейда. Оригинал! Я остановилась на эссе о будущем иллюзии.

Я молча взяла книгу в руки. Тяжёлые, шершавые страницы пахли стариной. Я вовсе не была экспертом по Фрейду, но курс философии и психологии в медицинском колледже не прошёл даром. Быстро пролистав к середине, нашла нужный раздел, пробежала глазами несколько абзацев и уверенно открыла на той самой странице.

– Двести двенадцатая, – тихо сказала я, вкладывая между страницами закладку.

Радмила Модестовна уставилась на меня. Её взгляд, всегда колкий и оценивающий, впервые изменился. В нём было недоумение, любопытство и... капля уважения. Она молча кивнула мне на кресло возле своей кровати.

Я устроилась поудобнее и начала читать, стараясь говорить ровно и монотонно, чтобы та поскорее заснула.

– ...Человеческая жизнь протекает тяжело и полна забот; она приносит нам, помимо неизбежных страданий, ещё и разочарования в исполнении желаний...

Читала минут двадцать. Её дыхание становилось всё глубже и ровнее. Наконец, послышалось лёгкое, мирное похрапывание. Я замолчала и, посидев ещё немного, чтобы удостовериться, что та спит, положила книгу обратно на полочку. Затем, приглушив свет ночника до тусклого свечения, на цыпочках выскользнула из комнаты.

На душе было хорошо и спокойно.

Процедура прошла успешно, и взгляд Радмилы Модестовны перед сном был с огоньком интереса. А это был хоть маленький, но успех.

А ещё, вечером, пока я возилась на кухне, видела в окно, как в Lexus уселись оба брата. Они куда-то уехали, и мысль, что их нет дома, весь вечер согревала мне душу. А теперь, когда Радмила Модестовна заснула, я шла по коридору, наслаждаясь тишиной, без риска в любую минуту наткнуться на одного из них.

И вдруг моё ухо уловило непонятный звук. Прислушалась. Кажется, кто-то за одной из дверей всхлипывал. В этой части дома находились комната Маргаритки. Именно оттуда слышались душераздирающие звуки. Замерев на мгновение, убедилась, что мне не кажется и, не раздумывая, нажала на ручку двери.

В кровати с балдахином, подобно маленькой принцессе, восседала Маргаритка и, обхватив руками колени, самозабвенно плакала.

– Эй! Малыш! Ты что это слёзы льёшь, а?! – подошла к ней и присела на корточки. – Что-то стряслось?

– Софы нет... – всхлипнула она, глядя на меня сквозь слёзы.

– Ну-у... Нет и нет, – проговорила я с улыбкой. – Это разве повод плакать? Или тебе скучно одной?

– Мне страшно одной... – прошептала она озираясь.

Я в её комнате была впервые, поэтому тоже интересом посмотрела по сторонам.

Комната Маргаритки была идеальной, как из журнала: кровать в форме кареты, полки с дорогими развивающими игрушками, столик для творчества, на стенах – стильные постеры с героями мультфильмов. Но во всей этой красоте не было души, ощущался лишь безошибочный почерк дизайнера, получившего чёткое техническое задание.

Я села на кровать к ней и погладила малышку по спине.

– И что здесь страшного? Я никого не вижу.

– Софа сказала, что если я выйду с постели, то прилетит на метле Баба-яга и утащит к Кощею. А он маленьких девочек съедает...

– Это няня тебе такое сказала?! – уточнила я.

То, что мне сейчас говорила Маргаритка, было чудовищно...

– Да! Софа... Она сказала мне спать и ушла. А я не могу спать! Вдруг я упаду? Я уже падала с кровати раньше... Меня утащит Баба-яга?

– Никто тебя не утащит, – вздохнула я, удивляясь, откуда эта идиотка Софа попала в няни к ребёнку. – Баба-яга – сказочный персонаж. Такой же, как принцессы и смешарики. Они живут в сказках. В нашем мире они не смогут существовать.

– Почему?! – на щеках девочки всё ещё висели горошины слёз, но глаза обрели ясность.

– Каждый живёт в своём мире. Вот рыбы... Они же живут только в воде. Ты же знаешь?

Маргаритка кивнула, внимательно меня слушая.

– А мы в воде не можем жить. Мы там погибнем. Также и сказочные герои. Они в нашем мире погибнут сразу. В нашем мире они только в виде кукол. Но ты же понимаешь, что игрушки могут причинить вред только, если о них споткнуться и растянуться на полу?

– Да! А ещё, если проглотить, то придётся живот разрезать, – проговорила та со знанием дела.

– Ты что, глотала?! – нахмурилась я.

– Нет. Я колпачок от фломастера грызла. Вот Софа и сказала, что если проглочу, то мне живот разрежут.

“О боже!” – со вздохом закатила я глаза.

– Ну, там всё немного по-другому. Но в целом София права, глотать можно только то, что разрешено есть. Остальное опасно для жизни.

– Значит, если я встану с постели, меня никто не утащит? – поинтересовалась Маргаритка, утирая кулачком последние слезинки на щеках.

– Нет, – с улыбкой покачала я головой, – но всё равно, если тебе пора спать, то лучше оставаться в постели.

– Почему?

– Ты можешь уснуть где-то, где будешь играть, а без одеяла можешь простудиться, пока спишь на полу.

– Я не засыпаю одна, – в голосе девочки начала плескаться паника. Похоже, у неё и без пугалок Софии были проблемы.

– Ничего страшного. Я посижу с тобой, пока няня не вернётся. Хочешь, я почитаю тебе?

– Нет! – пухлые губы Маргаритки горестно изогнулись.

Похоже, она снова собиралась плакать. – Я хочу, чтобы папа пришёл. Он сказал, что зайдёт пожелать спокойной ночи. А сам не пришёл... – слёзы непрошеным дождём снова брызнули из глаз ребёнка.

Мне было не по себе. Девочка плакала. Необходимо было срочно её успокоить. Но вместо слов утешения из меня просочился давно терзавший меня вопрос:

– А... а кто твой папа, Маргаритка?!

Глава 14. Семья Маргаритки

Она замерла, глядя на меня с искренним удивлением. Так, будто я спросила, мокрая ли вода.

– Папу зовут Леонард. Разве ты не знала?

“Так, вот оно что, – у меня перехватило дыхание. – Этот надменный индюк – её отец?!”
– У меня непроизвольно вытянулось лицо. Образ Леонарда и отца этой малышки никак не совпадали. Ну, какой он отец? Такой... холодный. Неужели этот тип мог кого-то полюбить?

Но раз есть дочь, значит, женат. Тогда, где же мать девочки?

– Папа у меня хороший. Только чуточку строгий, – прервала Маргаритка мои размышления. – Он мне всегда Смешариков включает, если я боюсь. И “Щенячий патруль” мы с ним смотрели. А раньше, когда мама ещё не уехала, мы часто все вместе ездили в парк развлечений. И в кафе... – её голосок дрогнул. – Жаль, что мама так долго не возвращается.

Меня будто ледяной водой окатило. Стало неловко. Я словно в замочную скважину подсматривала, заглядывая в чужую жизнь.

Нужно было срочно менять тему.

– Ой, Смешарики – это здорово! А кто твой любимый? Ньюша? А может, Крош? – я заставила себя оживиться.

– Крош, – ответила она, словно отмахнулась. – А папа уже не придёт?

Маргаритка явно не собиралась менять тему.

– Если обещал, то обязательно придёт! – проговорила я твёрдо, заглядывая в её удивительные, зелёные с синевой глаза.

“Как-то мало она на своего отца похожа”, – подумала я, присматриваясь к девочке под другим углом. – Видимо, в маму”.

– Давай, мы с тобой песенки попоём пока? – пришла вдруг мне на ум идея.

Предложение было неожиданным даже для Маргаритки. Она следила за мной, забыв, что снова собралась плакать.

– Алиса, – обратилась я к умной колонке, – включи детскую песенку “облака, белогривые лошадки”.

– Мимо белого
Яблока луны,
Мимо красного
Яблока заката
Облака
Из неведомой страны
К нам спешат

И опять бегут куда-то... – динамично начала петь я, активно дирижируя для наглядности руками.

Маргаритка смотрела на меня озадаченно, но плакать перестала. И это радовало.

– Облака!... – распевала я, надеялась, что не звучу за пределами этой комнаты. – Белогривые лошадки...

Пока пела, Маргаритка улеглась в постель и подтянула одеяло к подбородку.

– А про Умку споёшь? – попросила, когда песенка закончилась.

– Спою. Только ты глаза закроешь. Ладно?

Маргаритка кивнула, закрывая глаза.

Комната наполнилась тихими, умиротворяющими звуками знакомой с детства мелодии. Я сидела на краешке её кровати и гладила девочку по шелковистым волосам. Совсем как бабушка меня когда-то в детстве...

– Спи, моя радость, усни... – подпевала я голосу, доносившемуся из колонки.

Глаза Маргаритки закрылись, дыхание стало глубоким и ровным. Но я продолжала петь, понимая, что она всё ещё может проснуться.

И тут дверь резко распахнулась, и из коридора на кровать упал квадрат света с чьей-то тенью посередине.

Глава 15. Тотальный контроль

Я замерла на краешке кровати, сердце бешено заколотилось в груди. В дверном проёме, окутанный светом из коридора, стоял Леонард Аверин. Его высокую фигуру обрамлял жёсткий контур, а лицо было скрыто в тени, но я безошибочно почувствовала на себе его тяжёлый взгляд.

Первым моим чувством была растерянность, смешанная с какой-то детской виной. Словно я делала что-то запретное и меня поймали на месте преступления. Я вскочила с кровати, ощущая, как кровь приливает к щекам.

– Что вы здесь делаете? – его голос прозвучал тихо, но с такой металлической резкостью, что по коже пробежали мурашки. – Где София?

Я встретила его взгляд, и внезапно вся моя робость испарилась, сменившись негодованием: его дочь только что уснула, прождав его весь вечер. А он явился едва не за полночь и, вместо того, чтобы поблагодарить, что я посидела с его дочерью, устраивает мне допрос!

– Тш!... – стрельнув в него возмущённым взглядом, приложила палец к губам. – Рита только уснула, – прошептала я, осторожно поправляя одеяльце на спящей Маргаритке. На миг залюбовалась. На мирно посапывающем личике девочки блуждала улыбка...

Затем, крадучись, двинулась к выходу, стараясь не встречаться взглядом с отступившим в тень мужчиной. Но, проходя мимо, почувствовала исходящее от него напряжение. Словно в нём была до предела натянута невидимая струна.

– Будет лучше, если сегодня её никто не побеспокоит, – прошептала я в дверях и, не дожидаясь ответа, выскользнула в коридор.

Сердце всё ещё стучало где-то в горле. Я почти бежала по длинному коридору, торопясь укрыться в своей комнате. Сбежав по лестнице, свернула в полумрак своего крыла. Подходя к комнате Софии, снова вспомнила, как Маргаритка сидела и плакала одна.

“Вот что за идиотка?! Как можно пугать ребёнка, если у той и без неё явные проблемы в семье. Девчонка не знает, что происходит, но она же чувствует, что что-то не так!” – подумала с негодованием, подходя к комнате Софии.

Внутри меня всё кипело, и я намерена была прямо сейчас высказать ей свои претензии прямо в лицо.

Рука уже потянулась к ручке двери. Я готова была ворваться туда, но замерла, услышав приглушённые звуки. Затем приглушённый смех. София явно была не одна. Но с кем?!

В голову ничего не приходило. Я не знала, какие порядки в этом доме. Возможно, няня девочки на особых правах? Может, к ней могут приходить родственники или подруги? Тогда вламываться к ней сейчас было нехорошо.

“Ладно, – мысленно проворчала я. – Утром поговорим”.

Добралась, наконец, до своей комнаты, чувствуя страшную усталость. Руки сами потянулись к бутылке с водой на тумбочке, но та оказалась пуста.

“Вот, чёрт!” – попыталась сглотнуть вязкий ком я, но поняла, что уснуть так не смогу.

Пришлось тащиться обратно в кухню.

Не включая свет, налила полный стакан фильтрованной воды и залпом выпила. Прохладная жидкость немного притупила внутренний жар. Язык, наконец, отлип от нёба. Но я понимала, что это временно. Под утро я могла снова почувствовать жажду. Поэтому решила прихватить воду с собой. Почти налила, когда в дверном проёме возникла знакомая мне высокая фигура.

Сердце дрогнуло, падая вниз. Пересекаться с этим человеком снова в мои планы не входило.

Но тот, словно наслаждался моим замешательством. Безмолвным истуканом он привалился к косяку, наблюдая за мной.

“Какого чёрта?! – поджала губы я, перекрывая кран. – Мне, походу, без его надзора, шагу нельзя ступить в этом доме. Он что, боится, что я стащу приборы из кухни?!”

– Постой! – придержал меня за локоть, когда я попыталась проскочить мимо него. – Вера. Как ты оказалась в комнате моей дочери? – снова пристал с расспросами. – И где была в это время София?

Мне совсем не нравился его тон – ровный, холодный, будто он допрашивал преступника, а не человека, который только что ублажал его ребёнка.

– Девочка плакала, когда я шла по коридору от Радмилы Модестовны, – ответила я, стараясь говорить спокойно. – Я вошла к ней... – посмотрела в бездну его холодных глаз и, почувствовав, что тону в них, разозлилась. На себя, на него, на Березина, которого каждый день вспоминала недобрым словом. – Мне что, нельзя было войти? Я что, прокажённая?! – взвилась, чтобы взять себя в руки.

– Маргаритка часто болеет. С ней находится няня, прошедшая полный медицинский осмотр, – проговорил он строго.

– Угу. А я, значит, с улицы пришла! – буркнула под нос хмурясь. Но он наверняка услышал. – Я же медсестра. Я эти осмотры прохожу регулярно, работая в клинике, – проговорила возмущённо. – Вы лучше бы за няней девочки присматривали, а не меня контролировали на каждом шагу...

– А что с ней не так? – он приподнял бровь.

У меня был готов целый список. Но вываливать его сейчас, не поговорив предварительно с самой Софией, показалось неправильным. Я сдержалась.

– Я не знаю, так с ней или не так. Но ваша дочь плакала в одиночестве. Я зашла и посидела с ней, пока девочка не уснула. Мне что, нужно было мимо пройти?! – спросила с вызовом.

От возмущения щёки горели огнём. И моим самым заветным желанием было сейчас укрыться в своей комнате от его придирок.

“Вылитый отпрыск своей требовательной мамы!”

Он помолчал. Наверно пару секунд, но они превратились в вечность. Я ощущала его тяжёлый, бесстрастный, будто глыба льда, взгляд на себе. От него веяло таким холодом, что, казалось, воздух вокруг покрылся инеем.

– Нет. Спасибо, что присмотрела за ней, – ответил, наконец.

Вроде поблагодарил. Но его благодарность прозвучала как официальная отписка.

– Но в дальнейшем достаточно будет позвать няню девочки, – добавил хмуро, сдвигаясь в сторону и освобождая проход.

Хотелось бежать! Поскорее и подальше. Но сколько можно было бегать?!

Почувствовав в себе сжавшуюся от страха Клёпу, замедлилась, удерживая себя от порыва.

Сжимая в побелевших от напряжения пальцах стакан с водой, я, высоко вздёргнув подбородок, проследовала мимо него к выходу.

Я физически ощущала его тяжёлый взгляд на своей спине, поэтому едва переставляла заплетающиеся ноги. Свернув, наконец, в коридор своего крыла, прибавила шаг.

Дошла до своей комнаты и уже собиралась захлопнуть за собой дверь, как вдруг услышала тихий щелчок. Сообразила, что это дверь в комнате Софии. Машинально придержала свою дверь. В образовавшуюся щель заметила, как из её комнаты вышел мужчина.

Глава 16. Леонард

Я захлопнул за собой дверь кабинета, и тяжёлая, глухая тишина мгновенно обволокла меня. Нажал кнопку на умной колонке, и пространство заполнилось фоновой музыкой, которая обычно помогала мне расслабиться. Воздух наполнился свежестью, похожей на морской бриз. Но накопленное за день напряжение не спадало, становясь ещё более выраженным.

Стычка с этой... Верой, кажется... отдавалась неприятным гулким эхом в висках. Рыжая чудачка с глазами, полными дерзкого огня. Она сумела пробить брешь в моей броне, и это было невыносимо.

Я плюхнулся в кресло, откинув голову на высокую спинку. Женщины. Они приходили и уходили, оставляя после себя лишь мимолётное впечатление от тела и смутный образ. Я намеренно не запоминал имён. Только детали, как в досье: “блондинка, голубые глаза, грудь третьего размера, узкие бёдра”. “Шатенка, глаза-маслины, широкий таз”. “Рыжая, мальчишеская фигура”... Смена их была ритуалом очищения. Нельзя привыкать. Привычка рождала привязанность.

Нет! С меня хватило одной...

Снова впускать кого-то в свою жизнь я не собирался.

Отношения – равно предательство, ждущее своего часа. Такой урок я усвоил раз и навсегда.

Но сегодня что-то было не так. Её упрёк и щемящая фраза о том, что дочь плакала в одиночестве, заставили меня обратить на неё внимание. Который раз уже эта девчонка попадала в поле моего зрения, и каждый раз феерично.

Я включил систему мониторинга. На экране ожила комната Маргаритки. София укладывала её спать. Укрыла, механически погладила по голове и вышла, бросив на ходу: “Спи, солнышко”. Даже через камеру было заметно, что девушка думает о чём-то своём. Совсем как Ксюха перед тем, как сбежала от нас...

Запись прокручивалась дальше.

Дочь крутилась. Было видно, что не может уснуть. Села на кровати и начала озираться. Лицо ребёнка было искажено страхом. Выглядывая из-под одеяла, она тихо позвала: “Софа!”

Звала несколько раз, пока голосок не сорвался в рыдания.

Гнев на няню тут же полыхнул во мне.

Но было странно, почему дочь не встала и не нажала кнопку вызова? Та была установлена прямо возле двери. Я сам распорядился повесить её на уровне детского роста!

Пылая от негодования на Софию, включил звук.

Эту няню мне предложили в агентстве. Я изучил её портфолио и... принял. Потому что она как-то сразу нашла общий язык с дочерью. Сначала я ежедневно просматривал запись с камер, затем реже, а потом и вовсе махнул на всё рукой, потому что дела и бизнес стали занимать всё моё время...

А вот и она. Вера, кажется...

Брат прозвал девчонку Искоркой. То ли из-за вечного румянца на щеках, то ли из-за огненного цвета волос.

Смешная.

Когда она впервые влетела ко мне в машину, подумал, что она так решила познакомиться со мной...

Вошла к Маргаритке неслышно, словно тень. Подошла к кровати, и... плач почти сразу стих. Я прибавил громкость.

“...бояться? Здесь же так уютно. И игрушки твои все рядом. И мишка храбрый, он тебя защитит”.

Её голос при этом был проникновенным и мягким. Вовсе не таким голосом она говорила со мной, когда злилась. Сейчас он звучал иначе. Глубоко, тепло, бархатно обволакивая, успокаивал. Девчонка не знала о камерах, возможно, поэтому вела себя так непринуждённо.

Я не мог оторваться, наблюдая за ними.

Девушка, что-то нащёптывая, села на край кровать и взяла Маргаритку за руку.

А затем, вдруг включив на колонке детскую песенку... запела. Задорно так, по-детски дурашливо. Уголки губ дочери дрогнули в улыбке.

Удивительно легко она общалась с Маргариткой. Макс назвал её Искоркой, а у меня мелькнуло – Светлячок, тот, что светится в темноте.

Допела про облака, а затем зазвучала колыбельная. Знакомая до боли и трогаящая за душу.

Вспомнил себя мелкого, когда ещё не было и в помине Макса...

Мать была красивой и нежной. Она сидела на краю моей кровати и пела, также тихо, проводя тёплой ладонью по моему лбу, убирая волосы назад...

Затем её образ сменился другим. Ксюха, бывшая жена. Она никогда, ни разу не пела дочери. Включала колонку, и всё!

Воспоминания накатили волной, горькой и едкой. Когда-то я увидел её и сразу решил, что эта длинноногая красотка станет моей. Вложив в покорение её сердца энную сумму, я, наконец, услышал “Да” и думал, что заполучил вместе с ней и её сердце. Но брак для неё быстро стал клеткой.

“Ребёнок испортит мне фигуру!”, “Ты хочешь сделать из меня домохозяйку?” – её истерики омрачали иллюзию счастья. Но я наивно верил, что с появлением ребёнка всё изменится.

И когда жена забеременела, окружал её заботой. В какой-то момент она и сама включилась, выбирая для будущего ребёнка вещи и игрушки.

Но, едва Маргаритка родилась, как жена наотрез отказалась кормить её грудью.

“Моя фигура – моё всё! Я не хочу, чтобы моя грудь обвисла!” – заявила она.

Ладно. Посоветовались с врачом, выбрали смесь.

Но жена снова начала выносить мозг: “Я задыхаюсь дома! Моя молодость так и пройдёт в четырёх стенах?!” – и это после возвращения из Греции...

Сдался. Наняли няню, чтобы жена могла чувствовать себя свободной. Думал, сама заскучает по дочери и откажется от своей затеи работать моделью. Но она с головой погрузилась в съёмки, тусовки... А когда моё терпение лопнуло, сказал, что дальше терпеть её выкрутасы не намерен. Жена просто исчезла.

Вернулся с работы и застал на столе записку: “Не держи на меня зла. Я не для семьи. Уезжаю с Марком за границу. Прощай, Лео!”

Марком оказался актёр из Италии. Развелись быстро, потому что она на дочь тоже не претендовала. А через полгода – звонок и незнакомый голос в трубке: “Господин Аверин... Ксения Борисовна Аверина кем вам приходится?... Произошла авария. Она мертва. Кто займётся похоронами?”

Никакой Марк на её тело больше не претендовал. Я оплатил доставку гроба в Россию и похороны. Правда, дочери сказать, что её больше нет, так и не смог.

Маргаритка до сих пор была уверена, что мать работает за границей и надеялась, что та когда-то вернётся.

Вспоминая события прошлых лет, я продолжал просматривать запись с камеры видеонаблюдения.

Девушка уже не казалась мне смешной и странной. В мягком свете ночника она выглядела... иначе. словно живое воплощение того самого тепла, которого так не хватало в моём огромном, холодном доме. Наблюдая, как она поёт, поправляет одеяло на спящей дочери, как крадётся к выходу на цыпочках, чувствовал необычную теплоту в области сердца. Такие чувства во мне вызывала только дочь. Но в последнее время я совсем мало проводил с ней времени.

Запись дошла до нашего столкновения. Увидел на экране собственное лицо – жёсткое, словно скала. И её – живое, подвижное. Вспыхнула от возмущения: “Тш!... Рита только уснула”.

Невольно усмехнулся: эта пигалица защищала от меня, мою же дочь!

В груди, там, где долгие годы была лишь спрессованная, чёрная пустота, что-то дрогнуло. Сжалось. Тихо. Но с невероятной силой. словно лопнула тончайшая ледяная плёнка, сковывавшая всё внутри. И моё сердце, которое, я был уверен, давно превратилось в кусок камня, вдруг сделало оглушительно громкий удар.

Живой. Настоящий.

Глава 17. Вера

Я застыла у своей двери, не веря собственным глазам. Из комнаты Софии, пригнув голову и поправляя манжет рубашки, вышел мужчина. Свет из коридора упал на его лицо, и у меня перехватило дыхание.

Макс.

Тот самый, самоуверенный красавчик, который так навязчиво пытался со мной флиртовать в первый же день моего прибытия сюда.

В голове с грохотом сложились пазлы. Всё встало на свои места. Его настойчивые улыбки, его подмигивания... И её, Софии, ледяная неприязнь с самой первой встречи. Она смотрела на меня враждебно. Теперь было понятно почему. Видимо, она имела на него планы, поэтому видя, как Макс преследует меня, ревновала.

Вот дурында!

После сладких речей и предательства Влада, мне глубоко неприятны были мужчины вообще, а такие, как Макс – тем более...

Я даже почувствовала внезапную жалость к ней. Макс использовал её так же, как Влад меня. Неужели она этого не понимает?!

Какая мерзкая, паутиная атмосфера царила в этом идеальном доме.

Я резко захлопнула дверь и, прислонясь к ней спиной, закрыла глаза. Усталость накатила такая, что, казалось, ноги подкосятся. Нужно было добраться до кровати. Добраться и отключиться.

Механически сняла одежду, натянула старую футболку и упала на подушки, надеясь на мгновенный, спасительный сон. Но едва голова коснулась прохладной наволочки, как тишину разорвал пронзительный телефонный звонок.

“Ну вот, Олеся, наконец-то вспомнила про меня”, – проворчала на подругу, нащупывая на тумбочке телефон. Я почему-то была уверена, что это она.

Но не тут-то было...

– Алло! – я поудобнее прислонила подушку к изголовью и оперлась спиной, готовясь поболтать с подругой.

– Вера? Ну, что? Завтра, надеюсь, мы сможем оформить документ?!...

Ледяная волна пробежала по спине. Голос отчима был жёстким, деловым, без тени теплоты. Я сжала трубку так, что пальцы побелели.

“Зачем вообще я к нему обратилась?” – закатила я глаза в потолок.

Да, я хотела наказать Влада, вернуть свои кровные деньги, наследство от бабушки. Но я не ожидала, что Валерий Романович увидит в этом возможность прибрать всё к своим рукам, под видом “помощи”.

На душе словно камень повис. Я понимала, что сама я от Влада не получу ни копейки, но и с помощью отчима, не увижу ни гроша.

“Что делать?” – мысли работали лихорадочно.

На ум приходило только одно: тянуть время.

Сначала я должна сама поговорить с юристом, чтобы составить документ грамотно, а уже потом подписывать.

– Валерий Романович, я сейчас... нахожусь на работе. Я работаю сиделкой у одной влиятельной пациентки, на дому. По контракту я не могу покидать дом без крайней необходимости. У меня буквально нет ни одной свободной минуты, – я старалась говорить максимально убедительно.

В трубке повисла грозная пауза.

– Это что за отговорки? – в ухо ударил его бас. – Время найти всегда можно! В конце концов, я нотариуса могу привезти к тебе. Говори адрес. И время, когда там твоя пациентка спит?...

“Блин!” – страх сковал горло. Но вместе с ним пришло упрямство.

– Я... Я не знаю точно, когда буду свободна. А если уйду без разрешения, меня уволят, и я останусь вообще без средств!

– Клёпа, ты меня бесишь! – зарычал он. – Ты всегда была непутёвой! Не послушала нас тогда, выбрав этого проходимца, и сейчас не слушаешь! Твоя мать из-за тебя...

Я не стала дослушивать. Поднесла телефон к губам и, делая вид, что связь прерывается, стала говорить в трубку: “Алло? Алло? Я вас плохо слышу! Валерий Романович? Прервалось...” – отжала вызов и дрожащей рукой перевела телефон в беззвучный режим.

Сердце бешено колотилось. В тишине комнаты был слышен только его стук. Я снова оказалась в ловушке. И самое горькое было в другом. Прошло уже много времени после ссоры с мамой, а она... так и не отвечала на мои звонки. И сама не позвонила ни разу.

Было до слёз обидно. Я даже представить не могла, что должна была сделать сестра, чтобы мама вот так вычеркнула её из своей жизни.

Теперь мне было жаль, что я не послушалась их тогда и поссорилась со всеми из-за Влада. Да, они оказались правы. Но что теперь можно было изменить?

Встретиться и сказать маме, что мой брак был ошибкой? Но нужно ли ей это, если она даже говорить со мной не хочет?

Такого одиночества и пустоты внутри я не чувствовала, даже когда узнала, что Влад всё время обманывал меня. Я лежала в чужой постели, чужого дома и тихо плакала в подушку, чувствуя себя никому не нужной, пока слёзы не унесли меня в тяжёлый, беспокойный сон.

Утром я, как обычно, была на ногах без пяти семь. Голова гудела, глаза припухли, но режим есть режим – Радмила Модестовна вставала рано, и ей нужно было помогать с утренним моционом.

Наскоро привела себя в чувство прохладным душем, надела форменный костюм и поднялась на второй этаж. Постучав в дверь Радмилы Модестовны, услышала: “Войдите!” и, распахнув дверь, замерла на пороге в полном ступоре.

В комнате царил непривычно тёплая атмосфера. Возле кровати пациентки, в кресле, сидела Лидия Михайловна и о чём-то мирно беседовала с Радмилой Модестовной. Они даже смеялись... Когда я вошла, улыбки ещё не покинули лица женщин.

Я не могла не признать, что улыбка делала мою пациентку вполне приятной. В её чертах просматривалась былая красота. И если бы она не была настолько сварливой и чаще улыбалась, то выглядела бы лет на десять моложе.

Но, увидев меня, Радмила Модестовна будто подёрнулась льдом. Смех оборвался, её лицо снова стало строгим и недовольным. Лидия Михайловна сдержанно кивнула мне и вышла, бросив на прощание тёплый взгляд хозяйке комнаты.

Повисло неловкое молчание.

– Вера, подойдите, – произнесла сухо.

Я сделала несколько шагов вперёд, предчувствуя недоброе.

– С сегодняшнего дня ваш график работы меняется, – проговорила она, отчеканивая каждое слово. – Ко мне вы будете приходить только для проведения ежедневных процедур массажа и инъекций. В остальном мы с Лидией Михайловной справимся сами, – проговорила оптимистично.

Мне так и хотелось съязвить: “А что же раньше мешало?” Но промолчала.

В душе тут же вспыхнула слабая, но такая заманчивая надежда: “Она решила отказаться от моих услуг! Она увольняет меня! Я смогу уехать из этого сумасшедшего дома!”

Мысленно я уже начала собирать вещи...

– Спасибо вам, – продолжила она. – Благодаря лечению я чувствую себя гораздо лучше. Мне больше не нужна сиделка! Но!... – она, видимо, заметила выражение радости на моём лице. – Раз уж контракт с вами заключён, то работа для вас в доме найдётся. Будете заниматься... моей внучкой.

– А что с ней?! – сердце неожиданно пропустило удар и ухнуло куда-то вниз. – Маргарита заболела? – выдохнула я, вспоминая слёзы девочки и слова Леонарда о её слабом здоровье.

– Бог с вами! – Радмила Модестовна даже сплюнула через плечо, но тут же опомнилась и, покосившись на меня, пожала плечами. – Не знаю! Идите к ней. Там вас введут в курс дела.

Ничего не оставалось. Я отправилась в комнату Маргаритки, по пути перебирая в голове варианты, что там могло случиться.

Рассчитывая встретиться и поговорить, наконец, с Софией, я, постучав для видимости, тут же распахнула дверь.

Но, сделав шаг, замерла на пороге, наткнувшись на... высокую, невероятно знакомую фигуру.

Передо мной, скрестив руки на груди, стоял Леонард.

– Ой, – пролепетала я отступая. – Мне... попозже зайти? – бегло оглядела комнату.

Маргаритка, свернувшись в постели калачиком, блаженно посапывала. Софии в комнате не было...

– Нет. Но, – понизил голос, оглядываясь на спящую дочь, – лучше поговорим в моём кабинете.

Глава 18. Вера

Леонард молча указал мне на кресло напротив своего массивного дубового стола, а сам занял место в кожаном кресле хозяина. Я села напротив, чувствуя себя школьницей, вызванной к директору.

Мой взволнованный взгляд скользил по кабинету. Интерьер был выдержан в строгом стиле: ничего лишнего, всё на своих местах. Стекланные поверхности, техника, добротная мебель. Но были и детали, выбивающиеся из этого безупречного порядка. Выше уровня глаз на полке стояли изящные макеты парусных яхт. На стене висела картина, от которой веяло мощью и свободой: парусник, борющийся со штормовыми волнами. А ещё я заметила книжный шкаф, доверху забитый литературой. Присмотревшись, я с удивлением разглядела корешки медицинских справочников и научных журналов.

“Неужели он всерьёз интересуется медициной? Или это наследие его прошлой жизни, о которой я ничего не знаю?” – пронеслось в голове. Этот человек становился для меня загадкой.

– Вера, ситуация следующая, – его голос вернул меня к реальности. Он говорил чётко, по-деловому. – София больше не работает у меня. И теперь, пока я не найду новую няню для дочери, её обязанности переходят к вам.

От его слов меня передёрнуло.

– Ко... мне? – невольно переспросила. – Но я же медсестра. У меня совсем нет опыта работы с детьми.

В голове пронеслись хаотичные мысли: “София уволена? Но как? Она же вчера вечером ещё была здесь, в своей комнате... С Максом... Неужели из-за этого? Леонард что-то узнал?”

Я смотрела на его каменное, непроницаемое лицо и понимала, что задавать эти вопросы бесполезно. Он не из тех, кто делится подробностями.

– Это ничего, – отрезал он, будто уже всё обдумал. – С Маргаритой три раза в неделю занимается профессиональный педагог. И два раза в неделю её водят на танцы. От вас требуется только следить, чтобы с ней ничего не случилось. Сопровождать на занятия, ждать, присматривать за ней в остальное время. Ну и по возможности направлять её неуёмную энергию в развивающие игры. Справитесь?

Он посмотрел на меня так, словно мог читать мысли. Но во взгляде не было ни капли сомнений. Я поняла, что вопрос его прозвучал лишь для галочки. Он всё уже решил за меня.

Внутри всё переворачивалось. Ужасно хотелось послать подальше этого самовлюблённого вершителя судеб. Ведь присматривать за чужим ребёнком – огромная ответственность. Да и неприятно было чувствовать себя бесправной прислугой в его доме. Но, несмотря на уязвлённое самолюбие, я ощутила радость. Маргаритка мне изначально нравилась. Уж за ней-то мне в разы приятнее присматривать, чем выносить капризы её сварливой бабушки.

– Хорошо. Я... попробую, – выдохнула я.

– Отлично. Подпишите тогда дополнительное соглашение к договору, – подвинул ко мне два листа.

– Эм, – закусила губу я, с ужасом глядя на очередные бланки с множеством пунктов.

“Тц, – вздохнула, пытаюсь понять, что стоит за каждым из пунктов. – Кажется, я не туда пошла, учиться... В жизни навыки юриста гораздо нужнее, чем умение делать уколы”.

– Ну же! – посмотрел на меня укоризненно. – Вера, это чистая формальность. Я ведь не могу доверить ребёнка абы кому. Да и... органы опеки периодически проверяют нас, – вздохнул.

“Да-да, – фыркнула я про себя, – органы опеки достали? Охотно верю”.

Но, просмотрев документ, ничего там опасного для себя не заметила и... подписала.

– Отлично, – он расписался в моём экземпляре, а свой убрал в ящик стола. – Тогда идите к Маргаритке. Она, скорее всего, уже проснулась, – Леонард кивком головы показал, что разговор окончен.

– Да... – замялась я, только сейчас ощущая весь ужас того, на что согласилась. – Но мне надо знать распорядок дня девочки. Когда и куда возить? На каком транспорте? И вообще...

– Транспорт не ваша забота. У вас будет водитель и автомобиль в распоряжении. Распорядок? – задумался. – Дайте ваш телефон, – протянул руку. – Я установлю приложение и синхронизирую с моим. Будете всегда видеть всё заранее.

Я нащупала в кармане телефон и почувствовала, что краснею как рак, наперёд представляя выражение его лица, когда увидит моё разбитое убожество.

– Вера, ну, что же вы? Дайте мне телефон, – напомнил о себе с нотками раздражения в голосе.

– Я... У меня нет... – хотела сказать, что телефона нет. Что потеряла типа. Но... Тот оглушительно завибрировал в кармане.

“Мать твою!” – выругалась про себя, нащупывая гаджет в кармане.

Леонард, сложив руки на груди, откинулся на спинку стула, приготовившись ждать, пока я отвечу. Ничего не оставалось. Моля бога, чтобы это была Олеся, я ответила на звонок.

– Алло, – на всякий случай прикрыла телефон ладонью, но это не помогло.

– Клёпа! Ты что, бля@, совсем совесть потеряла?! – кажется, отчиму уже с утра кто-то испортил настроение. – Трудно перезвонить? Что я должен отлавливать тебя?

– Валерий Романович, и вам доброе утро, – проговорила в трубку, косясь на Леонарда. Тот открыл папку с какими-то документами и, казалось, не слышал маты отчима. – Меня не надо отлавливать, я не... – не могла придумать нужное слово. Кроме, “овца”, в голову ничего не приходило, а называть так себя не хотелось. – Я же вам вчера сказала, что работаю сейчас по договору. И у меня нет возможности выйти...

– Что ты мне лапшу на уши вешаешь?! – зарычал он. – Крепостное право отменили давно! Дай мне телефон своего работодателя, я с ним, или с ней сам поговорю! Где видано, чтобы человек круглосуточно работал?!

Я изо всех сил прижимала трубку к уху, в надежде, что Леонарду наш разговор не слышен, но потому как он отложил документы и в упор смотрел на меня, понимала, что тот слышал всё.

Ломать комедию, как накануне, и говорить в трубку, что связь прервалась, было глупо.

– Эй! Ты что молчишь?! – бушевал отчим. – Или этот недоносок там снова тебе на уши присел? Ты там, случаем, не с аферистом своим снова спелась?!...

Это был полный звездац...

– Нет! И... Прекратите сейчас же орать! – прошипела я в трубку. – Я же сказала, я на работе.

– Короче, – отчим перестал орать, но от этого голос его стал ещё более зловещим, – я из-за тебя ввязался в это дерьмо. А мне проблемы не нужны, понятно?! Поэтому давай, в течение часа жду от тебя, когда и где мы с тобой встречаемся, либо... Ситуация скоро выйдет из-под моего контроля. Потом ни тебе, ни мне не поздоровится...

В животе от его слов всё свернулось в тугой узел. Кажется отчим не шутил.

– Ладно. Поняла вас. Я позвоню, – проговорила, сбрасывая вызов.

Глава 19. Вера

Я готова была провалиться, понимая, насколько ничтожно выглядела сейчас в глазах Леонарда.

В наступившей тишине, я каждой клеточкой ощущала прикованное ко мне его внимание. И не надо было быть Вангой, чтобы понимать, о чём тот сейчас думал.

“Всё. Уволит вслед за Софией и не заплатит, – расстроилась я. – Зачем ему няня с криминальными разборками?”

– Вера, телефон... – вывел меня из ступора Леонард.

Я нащупала в кармане свой гаджет и нехотя протянула ему. Взяв его, мужчина задержал взгляд на паутине трещин на экране и я заметила, как его бровь выгнулась вверх.

“Да знаю я. Говно – телефон. Весь в хозяйку! – подумала зло. – Такая же ущербная неудачница”, – прикусила до солоноватого вкуса крови щеку изнутри. .

– У вас есть ещё один? Резервный? Рабочий? – спросил он, нажимая кнопку питания. Экран ожил, подсветив его идеальный профиль.

– Ага. У меня их несколько, – фыркнула я. – Неделька – набор называется... А сиделкой к вашей маме я от нефиг делать устроилась.

– Да? А я думал из милосердия, – хмыкнул, уверенно перебирая пальцами по треснутому экрану.

Я, поджав губы, отвернулась, разглядывая модели яхт.

– Чуть позже вам принесут другой аппарат с установленным приложением. Будете пользоваться им для связи со мной и водителем. Расписание Маргариты будет приходить туда же, – он отдал мне мой телефон обратно. – Но... есть условие, – его взгляд стал неприятно холодным.

Замолчал, давая паузой. Но мне показалось, что он что-то обдумывает. Каменная маска на мгновение дрогнула, обнажив человека, который взвешивал риски.

– Вера, выключите свой телефон прямо сейчас. При мне, – потребовал вдруг. – И не включайте, пока находитесь рядом с моей дочерью. Ни для каких звонков. Ни для чего. Понятно?

В его тоне сквозила не просьба начальника, а личная, острая тревога. Он боялся, что из-за моих разборок с отчимом пострадает его дочь? Тогда почему не расторгает со мной договор?

Или у него свои причины для беспокойства?

– Как скажете, – нахмурилась я, предполагая, что Олеська именно сегодня не дозвонится до меня и будет переживать.

Но я понимала правомерность его требования, после всего, что он услышал, поэтому нажала кнопку выключения.

Леонард хмуро наблюдал за моими действиями. И только убедившись, что экран погас, откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди.

– Так, – произнёс он тихо, но так, что у меня мурашки пробежались по плечам. – Вера. В какой криминал вы вляпались?

“Ну вот, началось” – уныло подумала я, сжимая дрожащими пальцами свой разбитый телефон. – Сказать правду? Выложить всё про Влада, про деньги, про отчима-афериста? Но это значило расписаться в собственной глупости перед ним. Он и без этого смотрел на меня свысока. Нет уж! Это только меня касается, никого больше.

– Ни в какой! – прищурившись, выдержала его тяжёлый взгляд. – Просто... у меня сложные отношения с отчимом. Вот и всё.

Он выгнул бровь, сканируя меня озадаченным взглядом.

– И всё? – он произнёс эти два слова с издёвкой. Кажется, он мне не верил.

В горле пересохло, но я вскинула подбородок, не разрешая себе сдаться. Леонард совсем не походил на спасителя. Поэтому какой смысл признаваться ему в своих бедах?

Я сделала глубокий вдох, собрала всю свою волю в кулак и повторила, вкладывая в слова всю твёрдость, на которую была способна:

– И всё.

Мы смотрели друг на друга через стол.

Он – воплощение власти и контроля, и я – испуганная, тщетно пытающаяся сохранить остатки достоинства Клёпа. В воздухе повисла напряжённая тишина.

Я знала, что он мне не верит, и ждала постыдного разоблачения.

Но, к моему удивлению, он не стал дожимать меня.

– Хорошо, – проговорил, беря в руки какие-то документы. – Идите к Рите. И помните о моём предупреждении про телефон.

Я поднялась с кресла и на негнущихся ногах вышла из кабинета. Дверь беззвучно закрылась, но мне казалось, я слышала грохот.

Или это сердце моё так стучало?

Возле комнаты Маргаритки прислонилась к прохладной стене коридора.

“Что я творю? А если слова отчима не бравада? Что если он и правда связался с бандитами и те на него давят? Ведь через него они запросто выйдут на меня... Что если Маргаритка будет со мной? Имею ли я право рисковать ею?” – мысли испуганной белкой скакали с одного на другое. – Может, ну их?... Оформить доверенность и пусть грызутся из-за денег?”

Но я понимала, что, дав доверенность отчиму, я, скорее всего, подписала бы приговор Владу. Ведь деньги тот наверняка потратил...

И Леонард. Он же не поверил мне. И всё равно оставил в своём доме. Почему?

Неужели так сложно найти няню для девочки?

Мысли путались, нагнетая тревогу. Я чувствовала себя мухой, попавшей в паутину фатальных событий, нити которой плели Влад, отчим, а теперь ещё и Леонард. И я не понимала, где выход.

– Софа! Папа!... – услышала дрожащий голос Маргаритки за дверью.

“Всё, хватит из мухи слона раздувать! – выругала себя, открывая дверь в комнату девочки. – Чего испугалась? Можно подумать, отчим впервые на тебя наезжает”.

– Доброе утро, Маргаритка! Как спалось? – натужно улыбаться мне не пришлось. Всклоченные кудряшки и розовое, заспанное личико малышки вызвали искреннюю нежность и умиление...

Глава 20. Вера

Тот день прошёл в сумасшедшем ритме. После разговора с Леонардом я погрузилась в новый, неизвестный мне мир обязанностей няни. Маргаритка, к счастью, оказалась понятливым и весёлым ребёнком. Расписание её было расписано по минутам: завтрак, затем занятия с педагогом, который приезжал на дом, потом – поездка на танцы.

Водитель, суровый мужчина лет пятидесяти по имени Игорь, молчаливо открывал перед нами двери автомобиля, и мы мчались по городу. Я сидела на заднем сиденье рядом с девочкой, чувствуя себя немного потерянной. Всё было новым – и роскошный автомобиль, и безупречная чистота в нём, и сам факт того, что у меня есть персональный водитель.

В перерывах между занятиями мы с Ритой играли в её комнате. Она с упоением показывала мне свои игрушки, а я ловила себя на мысли, что её искренняя детская радость и бесконечные “почему” стали для меня глотком свежего воздуха. Они отвлекали от мрачных мыслей об отчине и от давящего ощущения, что я в клетке.

Вечером, уложив Маргаритку спать – это оказалось удивительно легко. Я ей снова исполнила колыбельную, а она просто обняла меня и... закрыв глаза, спустя минуту обмякла и вскоре уже посапывала.

Аккуратно переложив голову девочки на подушку, я поправила на ней одеяло и на цыпочках вышла. Моя комната теперь находилась напротив спальни Маргаритки, поэтому далеко идти не пришлось.

Вернувшись к себе, почувствовала смертельную усталость. Не столько физическую, сколько моральную. Всё-таки присматривать за ребёнком – огромная ответственность. Приняв душ, легла в постель и попыталась читать, но буквы расплывались перед глазами. Непонятная тревога, которая после разговора с отчимом сдавила сердце, так и не отступала. Я пыталась разобраться в причинах, но никак не могла найти корень тревоги. Все мысли крутились вокруг Влада, угроз отчима и... Перед мысленным взором почему-то нет-нет, да и всплывал пристальный взгляд Леонарда. Он смотрел на меня так, словно видел гораздо больше того, что я в зеркале. Вот только, что именно для меня оставалось загадкой.

Ночью я вся в поту подскочила от кошмара. Приснился Влад. Его привязали к связанным крестом брёвнам, и отчим с какими-то жуткими типами издевались над ним. Муж молил о пощаде, а я ничем не могла помочь ему, потому что не могла пошевелиться. Затем отчим вложил мне в руки клинок и приказывал добить его...

С облегчением поняла, что это сон. Встала попить, но увы.

“Тц... Когда же я запомню приносить вечером воду в комнату?” – тяжело вздохнув, облачилась в халат и поплелась вниз на кухню.

В доме, похоже, все крепко спали. Во всяком случае я не слышала ни звука. Только в кухне меня встретило мягкое гудение холодильника.

В полумраке начала набирать воду, но вдруг услышала невнятный шорох в коридоре, а затем стук. Отставив стакан, выглянула проверить, закрыта ли входная дверь. Охрана, конечно, стояла на воротах, но кто их знает?

Сердце ухнуло в пятки – в приоткрытую дверь кто-то протиснулся.
На автомате нащупала выключатель и включила свет.

– Макс?!... – уставилась я на осевшего прямо на пол возле порога мужчину. На светлой стене от его спины остался коричневый след, а на грудь из разбитого носа и губы стекала сгустками кровь... – Блин! Что с тобой?! – кинулась к нему. – Ты как? Где болит?

Он был без пиджака, рубашка порвана и испачкана в крови. На бледном лице выражение боли, которое он пытался скрыть под маской привычного цинизма. Но сейчас это у него получалось плохо. Он попытался выпрямиться, но тут же схватился за бок.

– М-м-м... – застонал он.

– Понятно. Так! Ты можешь встать? – подошла, оценивая, стоит ли тащить его на диван, или лучше положить здесь на пол, чтобы осмотреть.

– Не знаю, – поморщился, делая попытку встать, и тут же взвыл, заваливаясь обратно.

– Так. Поняла, – метнулась к дивану и, стащив с него плед, постелила на пол рядом с ним. – Давай, вытягивайся здесь, аккуратно только...

Картина была удручающей: ссадины, рассечённая бровь и губа. Потрогала аккуратно нос – вроде бы не сломан.

“Слава богу!”

Но больше всего меня беспокоило то, как он держался за правый бок.

– Не надо, – оттолкнул он мою руку, когда я слегка надавила, прощупывая рёберную зону. – Позови Лео. Мне надо подняться к себе.

– Максим, это не пустяки. Дай я посмотрю, – нахмурилась строго, расстёгивая на нём рубашку.

– Детка, ты не то время выбрала для секса, – ухмыльнулся, но выглядел при этом неприятно жалко.

“Шутит, значит! Это хорошо”, – мелькнуло в голове.

– Телефон твой где? – бесцеремонно залезла ему в карман брюк и вытащила целёхонький айфон.

“И где справедливость? Мой сам по себе разбился, а тут...”

– Сними с блокировки, – протянула ему. – Мне позвонить надо.

Мой приказной тон подействовал. Макс сначала приложил палец и протянул гаджет мне, а потом сообразил спросить, куда я звонить собралась.

– В Скорую, – пояснила, слушая гудки.

– На фига?! – дёрнулся он, но я удержала его за плечо. – Само заживёт. Что ты тут панику развела? Зови Лео! – насупился он.

Но я уже не слушала его, отвечая дежурному скорой.

– Макс, так надо! И не спорь, где не понимаешь, – шикнула на него, сбросив вызов.

Затем сходила за аптечкой и салфетками. Пока ждала бригаду Скорой помощи, промыла и обработала антисептиком раны, при этом выслушала кучу его недовольства.

Макс считал, что всё это не моего ума дело и от меня требуется только разбудить брата.

Но, несмотря на его просьбы, вызывать Леонарда я не спешила. Мне хватало пока одного из них. Второго бы я сейчас не вынесла.

– Макс, у тебя, скорее всего, перелом ребра. Нужен рентген. Немедленно.

– Не надо мне скорую! – продолжал упрямиться он. – Леонард узнает... Я отлежусь и утром съезжу в клинику.

– Утром может быть поздно! – возразила я, полностью взяв ситуацию под свой контроль. – Если ребро сместится, оно может повредить лёгкое. А это опасно для жизни. Так что, поедешь сейчас! Без разговоров.

– Что ты тут... раскомандовалась?! – скривился он, сердито косясь на меня.

Отвечать на его выпад не стала. И не таких я видала за время своей практики. Знала, что в шоке больные могут наговорить всякого.

– Тебя сейчас отвезут в больницу, сделают необходимые снимки, а после, если твоей жизни ничто не угрожает, привезут домой.

Я не стала уточнять, что домой его скорая не повезёт – придётся вызывать перевозку.

– Сопровождать его вы поедете? – спросила фельдшер, приехавшая по вызову.

– Нет, – растерялась я, понимая, что не могу уехать и оставить Маргаритку одну. – С ним брат поедет, – набрала, наконец, номер Леонарда.

– Да, – проговорил тот сонным голосом. – Тебе что, кошмар приснился?

– Приснился. С участием вашего брата, – ответила торопливо. – Леонард, можете быстро одеться и спуститься? Макса надо в больницу отвезти. В принципе, могу и я с ним съездить, только вы тогда за Маргариткой присмотрите...

– Что там у вас?! – не понял он.

Я услышала зевок.

– У меня подозрение, что у него сломано ребро, и не только...

– Бля@... – в сердцах выругался тот. – Сейчас спущусь.

Скорая уехала.

Забрав из кухни воду, отправилась спать. Но сон не шёл. Несколько раз брала в руки телефон, чтобы позвонить Леонарду и узнать, что там с Максом, но так и не решилась.

Уснула уже под утро, поэтому будильник выдернул из сна жёстко. Не сразу поняла, где я. Затем голова прояснилась: Маргаритка, дом Авериных.

“Блин! Что там с Максом? – поспешно села в постели, глядя на часы. – Если всё обошлось ушибами, они должны уже были приехать домой.

Заглянув к Маргаритке, удостоверилась, что та ещё спит, и спустилась в кухню. Хотелось успеть выпить кофе. Голова ощущалась пустой и гулкой, и я надеялась, что лёгкий завтрак мне поможет проснуться.

– Доброе утро! – проговорил Леонард, увидев меня в дверях.

– Вы... уже дома? – задала я глупый вопрос.

– Как видишь, – хмыкнул он. – Макса, правда, пока оставили в стационаре.

– Снимок что показал? – вставила капсулу эспresso в кофемашину.

– То, что вы и предположили – перелом двух рёбер, – допив свой кофе, отставил чашку в сторону. – Врач сказал, что если бы не привезли его вовремя, могли быть серьёзные осложнения... Так что, спасибо. От Макса, заочно, ну а от меня – лично.

– Я ничего такого и не сделала, – дёрнула плечом, чувствуя спиной его тяжёлый оценивающий взгляд.

– Брат так не считает, – озадачил он меня.

Услышав удаляющиеся шаги, я с облегчением обернулась. Прихватив из холодильника сыр, приготовила себе бутерброд и принялась за свой кофе.

“Надо же! – качала головой, глядя в окно на буйно раскрашенные кроны деревьев возле забора. – Оказывается, Аверины благодарить умеют?”

Глава 21. Вера

Тот день с Маргариткой прошёл в привычном, сумасшедшем ритме, но в моей голове постоянно стоял навязчивый гул. После утреннего разговора с Леонардом, который умел благодарить с таким видом, будто вручал не похвалу, а некий обременительный долг, я чувствовала себя натянутой струной. Мысли путались: Макс в больнице, угрозы отчима, и этот пронзительный взгляд Леонарда, который, кажется, видел все мои страхи насквозь. Я ловила себя на том, что в сотый раз прокручивала тот разговор с отчимом, который он подслушал. Испытание стыдом было почти физическим – он знал, какая я нищая, затравленная и зависимая.

После занятий с педагогом, чтобы отвлечь и себя, и Риту от четырёх стен, я решила вывести её на прогулку. Дворовая территория дома Авериных была больше похожа на частный парк. Начало октября раскрасило его в невероятные краски. Клёны и берёзы стояли в багряных и золотых одеждах, а ковёр из опавших листьев шелестел под ногами. Воздух был прохладен и свеж, пах мокрой листвой и далёким дымком. Мы с Маргариткой вышли к игровой площадке, утопающей в рыжей листве.

– Качели! Качели! – радостно крикнула девочка и помчалась к ним через газон.

Я пошла следом, обходя периметр по дорожке из каменных плит. Посадив малышку на качели, я несильно толкнула сиденье.

– Выше, Вера! Ещё выше! – смеялась она, и её смех словно колокольчик наполнил мою душу чем-то светлым и приятным. Даже теплее стало.

– Осторожно! Слишком высоко нельзя...
Невозможно было без улыбки смотреть на эту милую сумасбродку.

– А почему листики падают?
– Потому что осень. Деревья готовятся ко сну, как ты вечером.
– Да? А они укрываются одеялом?
– Да, – прыснула от смеха я, представив нарисованную Маргариткой картинку. – Только одеяло у них из снега. Придёт зима и накроет их.

Я раскачивала её, слушая бесконечный поток “почему”, и чувствовала, будто с моих плеч спадает груз.

Стало почти спокойно. Почти. Потому что вдруг ощутила чей-то пристальный, сверлящий взгляд в спину. Мурашки побежали по коже.

Я медленно подняла голову и скользнула взглядом по фасаду огромного дома. И почти сразу же нашла источник. В одном из окон с распахнутой настежь створкой, сидела Радмила Модестовна. Она неподвижно смотрела на нас. Выражение её лица я не могла разглядеть, но ощущение было неприятным. Будто нас, словно рыбок в аквариуме разглядывают.

Я отвела взгляд, но тут же наткнулась на другой. Из окна на втором этаже за нами наблюдал Леонард. Он стоял, заложив руки в карманы брюк. Его поза была расслабленной, но взгляд был тяжёлым, оценивающим.

Щёки мои мгновенно вспыхнули, будто меня уличили в чём-то постыдном. Я поспешно отвернулась, перехватив на подъёме качели.

– Рита, а давай поиграем в прятки? На том дворике, за домом? – мотнула головой в сторону дорожки, огибающей здание.

– Ура! Прятки! – девочка тут же спрыгнула с качелей. – Чур я прячусь!

Не глядя больше на окна, я поспешила за ней, но пока не завернула за угол дома, ощущала эти два прицельных взгляда – холодный и тяжёлый.

Вечером, когда Маргаритка занималась с педагогом, на моём новом, выданном Аверинскими телефоне, раздался звонок. Удивилась. Этот номер я не давала никому. Оказалось, звонили с поста охраны. Мужской голос обратился ко мне по имени-отчеству и поинтересовался, могу ли сейчас подойти. Сердце ушло в пятки. Пока шла, гадала, кому и зачем понадобилась. И первое, что приходило в голову – отчим.

Но за воротами меня ждала... Олеся!

“Фух!” – выдохнула я, обнимая подругу.

– Верусик! Ну, слава ангелам, живая! А то я уж себя накрутила там. Телефон вне зоны... Березина за жабры взяла, и адрес твой вытащила из него...

– Я так была рада видеть Олесю, что только блаженно улыбалась, хлопая глазами.

– Тц... Стоит, как блаженная, – укоризненно покачала головой. – Телефон-то чего выключен? Я, между прочим, на общественном транспорте сюда добиралась.

– Олесь, прости, но у меня тут... – покосилась на охранника и, взяв под руку, потащила в сторону. – Беда просто. Отчим грозит бандитами. Хозяин дома услышал – сказал выключить телефон и не включать, пока я рядом с его дочерью.

– А при чём тут его дочь? Ты же за Радмилой ухаживаешь... А хозяин кто? Муж пациентки? – Олеся забросала меня вопросами.

– Ой, Олесь, даже не знаю, с чего начать, – вздохнула, разглядывая розовую куртку подруги и нежный с розово-голубым принтом шарфик. Олеся, как всегда, выглядела на все сто. Как я ей сейчас завидовала! У неё всё было понятно. Подруга всё в своей жизни планировала, и всё у неё было хорошо в отличие от меня.

Я огляделась. Скамейки поблизости не было.

– Мне даже пригласить тебя в дом нельзя...

– Да что же это такое? – возмутилась она, оглядывая высокий забор.

В этот момент с лёгким шуршанием шин по гравию к воротам подъехал чёрный автомобиль. Окно со стороны водителя опустилось, и оттуда появилось суровое лицо Леонарда.

– Вера, вы почему не с Маргаритой? – спросил строго, скользнув взглядом по яркой, как бабочка Олеся.

– Рита занимается с педагогом, – буркнула я. – Я же имею право поговорить с подругой?
– посмотрела на него с вызовом.

Его бровь взметнулась вверх. Он словно хотел получше рассмотреть меня.

– Так пройдите в дом. Зачем возле ворот стоять? – проговорил неожиданно.
“Вот те раз! – прикусив изнутри щеку, я зависла. – Можно пригласить? В его крепость...
Или он шутит?”
Но нет, он смотрел совершенно спокойно.

– Это... Я что, могу к себе кого угодно приглашать! – решила уточнить границы.
– Нет. Это касается только... Подруги, – подумав секунду, ответил он. – Остальные контакты – за пределами моего дома.

“Ясно. Значит, на Олеську запал”, – эта мысль почему-то испортила мне настроение.

– Спасибо. Но не стоит. Мы поговорим в беседке, если можно.
– Как угодно, – пожал плечами он и лихо проехал к гаражу.

– Олесь, набери меня, – продиктовала подруге свой новый номер. – Звони на этот... Он, правда, только для связи с ними.

– Слушай, а это кто? – подруга с интересом разглядывала в щель закрывающихся ворот, вышедшего из машины Леонарда.

– Сын пациентки. Он же – хозяин этого дома. И, по стечению обстоятельств, я сейчас не за матерью его присматриваю, а за пятилетней дочкой.

– Да? – Олесь округлила глаза. – Она что, болеет?

– Нет. Я с ней – няня, – развела я руками. – Прежнюю уволили, а за девочкой некому присматривать...

– А мать девочки?

– Матери нет.

– Понятно...

– Что тебе понятно? – вспылила я. – Мне так в этом доме вообще ничего не понятно.

– Ну-у, – Олесь в недоумении покосилась на меня, – я так, к слову... Что-то ты совсем загнанная, Верусь. Пойдём в беседку, поговорим хоть.

– Слушай, Олесь, ты только не обижайся. Ладно? – включив телефон, я посмотрела на часы. – Занятие у девочки уже закончилось. Мне нужно идти к ней... Давай мы с тобой по телефону, вечером, поговорим?

– Ладно. Давайте, – нахмурилась она.

– Спасибо, что приехала, – в порыве обняла подругу. – Просто, по-быстрому поговорить не получится, а ребёнка там не с кем оставить.

– Так, а с бабушкой? Та, что, не может книжку ей почитать какое-то время?

– Не знаю, – пожала я плечами, – не заметила я, чтобы ребёнок тянулся к бабушке. Да и бабушка не особо просит привести к ней внучку.

– Понятно, что ты тут до макушки загружена... Тогда позвони мне вечером, ладно? Я Влада видела... – добавила, понизив заговорщицкий голос.

– И что? – всё внутри непроизвольно сжалось.

– Искал тебя. Сказал, что хочет встретиться, поговорить, – Олеся смотрела виновато. – Говорил, что это Моника его с толку сбила... А на самом деле он тебя любит.

– Олесь, ты серьёзно? – отступила я, скрестив на груди руки.

– Вер, я говорю, что слышала, – развела тв руками. – Но говорил он вполне убедительно.

– Да?! А про деньги он ничего не сказал? – начала злиться я.

– Сказал. Что был должен крупную сумму и не знал, как выкрутиться. Вот и придумал этот бизнес.

– Тц!... Звездец! Он придумал, как обмануть меня. А слабо было просто рассказать мне обо всём? – насупилась я. – Нет, Олеся! Что бы он теперь ни говорил, он... Он подлец! – в носу предательски засвербело, а во рту появился вкус горечи. – Мне с ним не о чем говорить, Олеся. Я уже подала на развод.

– Я знаю, но... – подруга помялась. – Ты же любила его. Вот, я и подумала, что тебе важно это услышать: я подколола его кольцом на пальце Моника, но он поклялся, что это не его подарок.

– Да какая разница уже?! – закатила я возмущённо глаза. – Кто там ей его подарил, разве важно? Они любовники! Я видела это. К чему тогда его оправдания?...

Мы ещё немного постояли, поговорили о пустяках, и Олеся ушла.

Я медленно побрела обратно к дому, гоняя в голове её слова.

“Он любит тебя... Он был должен... Он переживает”.

Прислушалась к себе, пытаюсь найти хоть каплю прежних чувств к Владу. Но внутри была лишь пустота, приправленная горькой жалостью. Жалостью к человеку, которого я любила и верила в искренность его чувств. А он – предал!

Его обман обрушилось на меня, словно горная порода в шахте. Сначала – оглушительный грохот, пыль, паника и невыносимая боль. Потом – тишина.

Теперь, спустя время, я поняла, что та часть меня осталась под завалом.

Её уже не вернуть. Как не вернуть и мои чувства к нему...

Никакие оправдания, даже если в них существовала доля правды, не способны были воскресить мою любовь к нему.

Я шла к дому, и мне казалось, что в моей груди вместо сердца теперь холодный, безжизненный камень. С ним было тяжело, но в то же время – спокойно.

Я понимала, что развод – это грань, через которую необходимо переступить, чтобы жить дальше.

Глава 22. Вера

На следующее утро я чувствовала себя разбитой. Разговор с Олесей по телефону вечером не принёс облегчения, а лишь закрутил воронку тревоги ещё сильнее. Я снова и снова прокручивала её слова в голове.

“Влад звонил, Верусь. Он в ужасе. Его избили какие-то отморозки, а потом передали “привет” от тебя. Он умоляет о встрече. Говорит, денег у него сейчас нет, но он готов подписать с тобой любое соглашение о рассрочке, только чтобы ты “отозвала своих бандитов”.

Я зажмурилась, представляя его испуганное лицо. Да, он подлец и предатель. Но я не желала ему ни избиений, ни смерти. Мысли о том, что к нему применили физическое насилие, вызывали тошноту. Отчим перешёл все границы. Его авантюра с бандитами грозила погубить не только Влада, но и втянуть в эту трясину меня. Нужно было это остановить.

Включив старый телефон, я позвонила ему и сообщила, что готова встретиться.

Но сказать Леонарду о своём намерении выйти в город было страшнее, чем идти на встречу с отчимом. Но что делать?

Застала его в кабинете за утренним кофе.

– Доброе утро, – смутилась, наткнувшись на его пронзительный взгляд, от которого что-то тягучее и тёплое прокрутилось внизу живота.

“Что за хрень? – рассердилась я на себя за эту странную слабость. – Гипнозом он, что ли, обладает?”

– Леонард, мне нужно сегодня ненадолго выехать в город, – кусая губу, сосредоточилась на том, ради чего пришла. – Вечером. Это очень важно для меня, – добавила, ожидая отказ.

– Присаживайтесь, Вера, – кивнул на кресло напротив. – Что за срочность? – откинулся на спинку, продолжая “пытать” меня взглядом.

– Неважно, – чтобы не чувствовать себя школьницей в кабинете директора, присела.

– То важно, то неважно, – усмехнулся он шурясь. – Вы уж определитесь.

– Мне – важно, вам – нет! – вздёрнув подбородок, постаралась показать свою независимость, но предательский румянец разлился по щекам.

Он не спеша допил кофе, изучая моё лицо.

– Я имею право знать, куда и зачем выезжает человек, отвечающий за безопасность моей дочери, – сдвинув брови, отодвинул от себя чашку. – Пока вы в моём доме, мне важно всё, что касается вас.

В его тоне не было гнева, лишь холодная констатация факта.

Стало неловко. И правда, что я перед ним выламываюсь? Он мой работодатель сейчас. Значит, вправе знать, что происходит.

Коротко без лишних деталей, я объяснила, что мне нужно встретиться с отчимом и утрясти с ним вопросы, из-за которых он уже две недели терроризирует меня, а теперь дело дошло до третьих лиц.

Я намеренно избегала подробностей. Зачем постороннему человеку мои проблемы? Пусть знает, что это касается только меня и моих близких.

– Рите ничто не угрожает, – добавила я, видя, что он продолжает хмуриться.

– Угрожает, или нет, не вам, Вера, решать. Но хорошо. Во сколько и где вы договорились с ним встретиться? – неожиданно спросил он.

– В шесть в кафе Трасса...

– А добираться, как будешь? – он машинально перешёл на “ты”

– Не знаю. Думаю, он меня с остановки где-то заберёт, – вздохнула от перспективы ехать в одном авто с отчимом.

– Тогда я подвезу вас, – предложил неожиданно, переходя снова на “вы”. – Я как раз поеду к Максусу.

– А Риту? Вы с собой возьмёте? – уточнила я. – У неё в это время занятие по английскому.

– Нет. Дочь останется дома с Лидией Михайловной.

– Отлично! Спасибо вам, – расчувствовалась я.

Разговор с отчимом предстоял непростой, но я хотя бы договорилась уехать без проблем. Да ещё и добираться не надо было на автобусах.

Весь день я мысленно готовилась к предстоящей встрече, размышляя, что предложить отчиму, чтобы он меня послушал.

Половину суммы, которую обещал выплатить Влад? Но он, судя по всему, замахнулся на всё. Согласится ли? Мне предстояло объяснить ему, что всё должно быть по закону. Что в его же интересах просто немного подождать, пока Влад соберёт деньги.

Для этого я готова была поступиться частью своей суммы, чтобы он рассчитался с бандами, которые были ему теперь не нужны.

Это была отчаянная попытка выйти из игры, в которую я попала по собственной глупости.

Глава 23. Леонард

Припарковав чёрный внедорожник в паре десятков метров от кафе, остановился. Девчонка испуганной птицей выпорхнула из машины и, не оглядываясь, зацокала каблучками к обшарпанному зданию. Я видел, насколько она напряжена. В узенькой юбчонке тоненькая, она шла к кафе, непроизвольно втягивая голову в плечи. Даже на расстоянии, я видел, как ей страшно, и это почему-то злило меня сейчас. Хотелось посмотреть, что за упырь там так активно прессует её. Неужели других дел нет у мужика?

Я обещал Максу привезти вещи, но не спешил уезжать.

Было интересно взглянуть на этого родственника, который, кажется, совсем берега попутал. Но и влезать в семейные разборки, тоже было не с руки.

Вышел, обошёл вокруг своего верного “мустанга”, попинал колёса...

И... решил выпить в кафе чашку кофе.

Засунув руки в карманы, вразвалку вошёл в забегаловку.

Первое, что я увидел, войдя, это её. С лицом, похожим на факел Вера сидела за столиком напротив матёрого мужика с тяжёлым взглядом, и горячо что-то пыталась ему доказать.

Тот кривил губы, глядя на неё, как кот на мышь. На столе перед Верой лежали документы, в которые мужик тыкал толстым пальцем. Я видел, что девчонка держится из последних сил. Позади неё, словно тени, замерли двое крепких парней. И это звездац, как выбешивало. Хотя в тот момент я не мог понять, что больше раздражает.

Я забыл, когда вообще чувствовал к кому-то жалость, кроме дочери. А тут смотрел на этот беспредел и ловил себя на огромном желании начистить этим бугаям рожи в воспитательных целях.

Это надо? Сидит, урод, и наслаждается своей властью. Она же вроде как дочь ему...

Я оглядел почти пустой зал, решая, что предпринять.

Краем глаза заметил, что Вера попыталась встать, но один из “теней” грубо прижал её за плечи к стулу. Глаза девчонки стали почти чёрными от страха.

Она не видела меня, глядя в стол перед собой. Почувствовал острое желание вмешаться, но всё ещё медлил, пока не заметил, как мужик кивнул громиле, после чего тот сдвинул девчонке плечо. Другой положил перед ней ручку.

– Вера, я спешу. Повидалась с роднёй и хватит, – проговорил сдержанно, подходя к их столу.

Все замерли.

– Ну же! – протянул ей куртку, злясь, что сидит и тупит, пялясь на меня как на привидение. Первым опомнился седовласый мужик.

– А ты кто такой, чтобы решать за неё? А?! – набычился он, перекатывая желваками. – Я вот – отец! А ты кто? – он начал демонстративно медленно вставать из-за стола, собираясь, видимо, напугать меня своей массой.

“Тц... Вот придурок!” – усмехнулся я, боковым зрением контролируя движения “теней”. С их стороны я предполагал большую опасность, поэтому стоял так, чтобы успеть среагировать, если что.

– Ну, ты не отец, я же вижу... – поправил его. – Вера работает на меня по контракту. Рабочий день ещё не окончен, поэтому я должен прервать вашу милую беседу.

– Вали отсюда, пока цел! – “тени” обрели голос, наступая на меня.

– Валерий Романович, прекратите! Он... – Вера вскочила и дрожащим голосом, переходящим в истерику, начала умолять мужика, чем сильно позабавила меня. Ей бы о себе думать, а она обо мне печётся. Сестра милосердия, бля@!

– Этот человек здесь ни при чём! Скажите, чтобы его не трогали! – голос девушки стал дребезжаще-тонким.

– Вера, иди в машину! Я сам разберусь, – рыкнул на неё, подталкивая к выходу.

– Да кто ты такой? Не видишь, мы ещё не закончили? – просипел один из громил, приближаясь ко мне. Второй метнулся к девушке, но я среагировал быстрее, преградив ему путь.

– Вера! Я неясно сказал? В машину! – бросил ей связку. Девчонка, наконец, разморозилась. Ловко подхватив ключ, метнулась к выходу.

В этот момент один из громил схватил меня за плечо. Остальное произошло на автопилоте. Сработали годы тренировок и мышечная память. С разворота вломил ему в челюсть. Он не ожидал, поэтому даже не защищался. Второй наверно хотел задавить меня массой, но пролетел мимо и всей своей машиной налетел на стол, опрокидывая его. Затем первый, очухался и решил, что ему мало. Получил локтем в солнечное сплетение и, захрипев, осел на пол. Всё заняло несколько секунд.

Кивнув на прощание застывшему с открытым ртом “родственнику” девушки, я направился к выходу.

Как оказалось, Вера не ушла: ошеломлённая стояла в дверях.

Взяв её за локоть, вывел на улицу.

В машину села молча, но ремень безопасности никак не могла пристегнуть. Перехватив её руку, помог вставить язычок в замок. Тонкие пальцы девушки были совсем ледяные. Машинально задержал в ладони – хотелось согреть. Но она, вздрогнув, словно от ожога, выдернула руку.

Провернув ключ в замке зажигания, я вырулил на шоссе. Вера, обняв себя за плечи, смотрела в окно на огни вечернего города, и что-то мне подсказывало, что она была на грани истерики.

– Что им от тебя надо? – решил прояснить ситуацию, используя её шоковое состояние. Она промолчала.

– Вера, ты же видишь, что молчать бесполезно. Если бы ты мне раньше сказала, что происходит, этого бы ничего не случилось...

– Да?! – она повернулась ко мне. Только теперь я увидел, что она там всю плакала. Слезинки крупными каплями стекали по её щекам. – Вы что, не заметили, что их ничего не останавливает? Что бы изменилось, если бы я сказала раньше? Я поехала поговорить... Думала... что смогу... – её прорвало.

Вера больше не могла сдерживаться и откровенно рыдала.
Я без слов на ходу вытащил из бардачка салфетки и подал ей.
Что я мог сказать ей в утешение? Ничего.

– Зачем вы пошли за мной? – проговорила она сквозь слёзы, шумно сморкаясь. – Это же бандиты! Они найдут вас! Они... достанут!...

– И что? – усмехнулся я, не отрывая взгляда от дороги.
– Как “что”?! Это же страшные люди! Отчим пообещал им деньги... Теперь они будут охотиться и за вами! – всхлипнула она.

Покосился на девушку. В блестящих от слёз глазах застыл страх. Не за себя. За меня...

“Вот чудная”, – сглотнул неожиданно подкативший к горлу ком.

Я вообще не помнил, чтобы кто-то вот так переживал за меня. Было ли вообще такое? После того как родился Макс, я всё время был должен: следить за ним, оберегать. С меня за двоих спрашивали. Потом, когда женился – тоже отвечал за всё. Ведь я мужик. Давно привык, что за всех всё решаю.

А тут – пигалица... Другая рванула бы из кафе, только пятки сверкали бы, а эта стояла и ждала. Помочь не могла. Но я чувствовал её присутствие и был собраннее. Ведь должен был защитить её.

Скользнул взглядом по её лицу и, странное дело, в моей окаменевшей после развода груди что-то ёкнуло. Эта девчонка сейчас дрожала не за себя, а за меня. За того, кто, по её мнению, мог пострадать из-за неё. Эта мысль вызвала непривычное, почти забытое тепло.

Я молча свернул на второстепенную дорогу и вскоре заглушил мотор на обочине. Фары выхватили из темноты крышу одинокой беседки и стволы исполинских сосен. Распахнул дверь и вдохнул полной грудью пахнувший влажной хвоей воздух.

– Пойдём. Подышишь, успокоишься, – проговорил, выходя из машины.

Обойдя капот, открыл её дверь и протянул руку, чтобы помочь.

С отрешённым видом запихнув в карман использованные салфетки, Вера нащупала ногой порожек, собираясь спуститься самостоятельно, но думая о своём, она, наверно забыла, что на ней узкая юбка. Сделав неосторожный шаг, зацепилась каблуком за что-то и, потеряв равновесие, с тихим вскриком, рухнула на меня.

Успел среагировать: подхватил, прижимая к себе...

В носу защекотало от запаха её волос. Вопреки осени, от них пахло полевыми цветами. Хотя я не знал, как они должны пахнуть, но так подумалось. Именно так пахло, когда я подростком валялся летом на свежескошенном сене в поле.

Вдыхая её запах невольно прикрыл глаза, отмечая, что на вид она хрупкая, но в руках невероятно женственная, притягательная...

По спине пробежала волна жара, кровь ударила в виски, а в паху возникла мощная, недвусмысленная эрекция. Это было настолько резко и неожиданно, что я застыл. Моё давно переставшее что-либо чувствовать сердце сжалось в груди с такой силой, что перехватило дыхание.

Я смотрел на неё, прижатую ко мне, на её пухлые, влажные от слёз губы, на белоснежную кожу, покрытую нежным румянцем. И удивлялся, что так среагировал. Через мою постель прошло немало длинноногих красавиц, умеющих и желающих. Они дарили мне секс, а я рассчитывался деньгами. Всё по-честному. Брал и платил. Но у меня никогда не возникало желания продолжить отношения, или поцеловать хоть одну из них. Сама мысль о поцелуе после предательства жены была омерзительна.

Но сейчас я поймал себя на диком, первобытном желании впиться в эти манящие, чувственные губы и... забыться.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.